ПРИХОДСКАЯ №54
СЕНТЯБРЬ 2007
Газета
ХРАМА СВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

ДНИ ПАМЯТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

МИТРОПОЛИТ ЮВЕНАЛИЙ ОТКРЫЛ II МЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ПОСЕЛКЕ СЕМХОЗ

II Меневские чтения открылись 10 сентября в поселке Семхоз Московской области — здесь жил и был убит 9 сентября 1990 года протоиерей Александр Мень.

Конференции предшествовала заупокойная лития, которую возглавил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. Богослужение проходило в храме прп. Сергия Радонежского, построенном на месте гибели священника. Вместе с семьей и духовными чадами о.Александра за упокой его души молились настоятель храма священник Виктор Григоренко, благочинный церквей Сергиево-Посадского округа игумен Иоанн (Самойлов), протоиереи Александр Борисов, Владимир Архипов, Иоанн Пеньтковский, игумены Виталий (Уткин) из Иваново, Афанасий (Селичев) из Юрьева-Польского, иеромонах Никон (Белавенец), а также епископ на покое Серафим (Сигрист, Православная Церковь в Америке).

В слове перед началом литии митрополит Ювеналий сказал, что уже 17 лет он, следуя традиции молитвенного поминовения, посещает места, связанные со служением и гибелью о. Александра Меня. И каждый раз «на душе у нас тихо, легко и мирно, потому что мы вспоминаем служителя алтаря Господня, который до последнего трагического момента своей жизни в тяжелых внешних условиях того времени ревностно осуществлял свое пастырское служение», отметил архиерей.

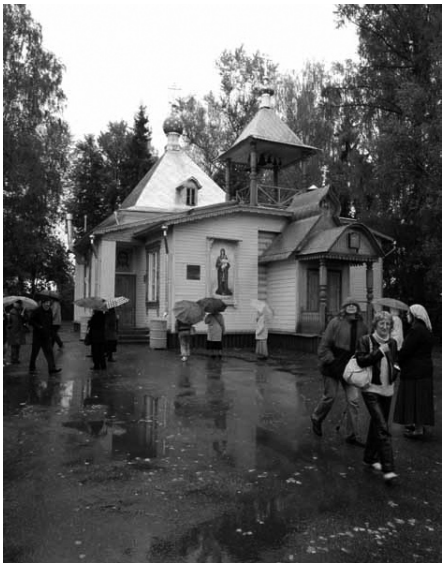
«Хочется напомнить, что на Руси всегда была традиция по случаю различных значимых событий ставить памятники в виде храмов Божьих. И мы сегодня собрались в этом памятнике церковном, чтобы вознести наши горячие молитвы о упокоении убиенного протоиерея Александра. Это чувство единения и непрекращающегося общения подтверждает то, что всегда в этот день, когда мы отмечаем его память, приходят люди, неравнодушные к его подвигу…» — сказал митрополит Ювеналий.

По окончании литии в культурном центре «Дубрава» митрополит открыл II Меневские чтения. В 2007 г., объявленном Годом ребенка, организаторы Чтений — Гуманитарно-благотворительный фонд им.Александра Меня и приход Сергиевского храма — решили посвятить конференцию теме «Православная педагогика».

В своем приветственном слове митрополит Ювеналий говорил об о. Александре как об «увлеченном церковном ученом, пламенном проповеднике и замечательном педагоге», благодаря пастырским трудам которого «множество людей в годы безбожной власти обрели веру во Христа и стали чадами Русской Православной Церкви».

В самом начале своего выступления митрополит также сказал несколько теплых слов о недавно ушедшем из жизни ученике о. Александра — священнике Георгии Чистякове. «Глубоко скорблю, что сегодня с нами нет о. Георгия

Чистякова — самоотверженного священника, известного ученого, человека доброго и любящего сердца. Вечная ему память!» — возгласил архиерей.

Митрополит Ювеналий сделал доклад о традициях и задачах православной педагогики, подчеркнув, что в наше время каждый священник просто «обязан быть педагогом» и использовать для просветительской миссии весь диапазон возможностей: это и проповеди, и духовные беседы с людьми, и работа в образовательных учреждениях, как духовных, так и светских, выступления по телевидению и радио, публикации в печати. Однако «масштабность стоящих перед Церковью задач непосильна одному лишь духовенству», поэтому выступавший призвал к объединению усилий клира и педагогической общественности. В качестве примера такого сотрудничества — епархии и местной администрации — он привел школы Подмосковья, где почти повсеместно введен факультатив по основам православной культуры, а с этого учебного года появился еще один предмет — «Духовное краеведение». Создаются также православные курсы, адресованные родителям, т.к. «в педагогическом воздействии нуждается семья в целом». Православная педагогика в наши дни «одновременно и традиционна, и современна»; она должна «стремиться отвечать на сложные вопросы современности».

С приветствием к собравшимся обратился сын о. Александра, губернатор Ивановской области Михаил Мень. Он выразил радость, что Меневские чтения в Семхозе, проходящие по благословению митрополита Ювеналия, уже можно считать состоявшимся ежегодным форумом, который стал «серьезным событием в жизни всей епархии». Участников конференции приветствовал также благочинный церквей Сергиево-Посадского округа игумен Иоанн (Самойлов).

Брат о. Александра Павел Мень, сопредседатель Гуманитарно-благотворительного фонда им. Александра Меня, подробно рассказал о замечательном педагоге Вере Яковлевны Василевской. Она была тетушкой братьев Меней и оказала огромное воздействие на формирование их мировоззрения и, в частности, религиозных исканий Александра. По словам Павла Меня, глубокая образованность, «особые педагогические способности», творческий потенциал В.Я. Василевской и ее христианский выбор позволили преодолеть в семье Меней тот разрыв поколений, который был столь трагичен для русской культуры первой половины XX в. Во многом под ее влиянием Александр уже в

15 лет «издал» свою первую машинописную книгу с рисованными иллюстрациями – это была «первая редакция «Сына Человеческого», как назвал ее Павел Мень. Добавим, что ко II Меневским чтениям в культурном центре «Дубрава» открыта выставка, посвященная В.Я.Василевской и ее педагогическим трудам.

Протоиерей Владимир Архипов, клирик Сретенского храма в Новой деревне, где он служил вместе с о.Александром Менем, в своем докладе расставил важные акценты, говоря о задачах православной педагогики сегодня. Эти задачи не сводятся к обучению «правилам поведения в религиозной системе ценностей» и даже не к «прикосновению к основам православной культурной традиции». Главное в православной педагогике — «возрождение в человеке потребности и готовности к восприятию мира духовного, его основных свойств и законов — божественного начала, свободы, любви, приоритета небесного перед земным, устремленности сердца к небесному», т.е., по слову св. прав. Иоанна Кронштадтского, «воспитание сердца».

Историк Алексей Беглов (Институт всеобщей истории РАН) сделал доклад «Православное образование в подполье: традиции и инновации», посвященный педагогическому наследию о. Глеба Каледы.

В последующих заседаниях прозвучали доклады директора Сергиево-Посадской гимназии №5 Юрия Саржевского, священника Алексия Тимакова (Москва), филолога Маргариты Лоевской (МГУ), прот. Александра Борисова «Опыт создания православных групп социального служения на приходе», диакона Михаила Першина «Братство православных следопытов: миссия к детям», профессора Евгения Сабурова «Какую цель ставит перед собой религиозное образование», прот. Владимира Янгичера «Уроки добра в воскресной школе», священника Алексия Головченко «Образовательное пространство — пространство церковной экумены» и других. Материалы Меневских чтений издаются отдельным сборником.

БЛАГОВЕСТ-ИНФО

ДОКТОР ГААЗ
И ДУХОВНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

18–20 мая в Кратово состоялась традиционная весенняя встреча прихода. Ее темой на этот раз стало служение милосердия в нашем храме. Для подготовки к встрече были заданы два отрывка из Св. Писания. «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5,14). «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением [не искал хитростью, решительными действиями] быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп. 2,5–10).

В этих словах сформулированы духовные задачи христианина, без осознания которых наша деятельность может стать суетой или просто социальной активностью. Размышляя над этими отрывками и анализируя практический опыт служения тех групп милосердия, что работают в нашем храме, собравшиеся в Кратово пришли к осознанию того, что милосердие, которые мы оказываем другим, и наше личное духовное возрастание взаимосвязаны. А в целом духовное возрождение России зависит от степени пробуждения каждого из нас, зависит от того, как каждый христианин воплощает свою веру в делах.

Центром встречи стал доклад настоятеля, прот. Александра Борисова о докторе Гаазе, который он прочел на конференции, посвященной беатификации «святого доктора», как называл его простой русский народ. Конференция была организована по инициативе Католической церкви, но о. Александр участвовал в ней по благословению Святейшего Патриарха Алексия II как член Комиссии по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы. Мы публикуем доклад о. Александра и выступления наших прихожан на этой встрече.

Протоиерей Александр БОРИСОВ

ДОКТОР ГААЗ
ГЛАЗАМИ ПРАВОСЛАВНЫХ

В интервью обозревателям «Известий» Его Святейшество Патриарх Алексий II сказал: «У православных и католиков общая позиция по многим вопросам современности. Мы можем и должны совместно говорить миру о христианских ценностях» («Известия», 21 апреля 2007 г.). Одна из центральных ценностей, о которой мы можем и должны говорить совместно, — безусловная ценность каждого человека, каждой человеческой жизни. «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25,40).

В биографическом очерке о докторе Гаазе А.Ф. Кони особенным образом обращал внимание на ту перемену, которое произвело христианство в истории именно через обращение к личности каждого человека. Он писал следующее. «Христианство, требовавшее, чтобы каждый «узнал подобного себе — в убогом варваре, в рабе», выдвинуло на первый план человеческую личность, независимо от ее бытовых и племенных свойств. Эта личность явилась элементом, разрушившим весь строй древнего мира, в котором группа полноправных граждан господствовала над массою бесправных рабов, полулюдей, полувещей. Средние века снова опутали эту личность, втиснули ее в различные союзы, придавили гнетущим авторитетом западной Церкви. Достоинство человека, права его личности, всё, принадлежащее независимо от внешних условий человеку как таковому, часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и ненужному поруганию».

Именно от этого грубого и ненужного поругания страдали и страдают миллионы людей во всех странах, в том числе и в России. Противостояние этому страданию и есть наивысший долг каждого человека и в первую очередь — христианина.

Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский писал: «…весьма важный жизненный вопрос: Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? — предложенный Иисусу Христу одним из

героев евангельского повествования, был разрешен впоследствии на пространстве веков святыми угодниками Божиими самым положительным, решительным и достойным общего подражания способом».

В этом отношении великий, незабвенный пример дает нам человек, которому посвящена сегодняшняя встреча, — католик, немец, доктор Фридрих Иозеф Гааз.

В упомянутом очерке А.Ф. Кони сопоставляет личность доктора Гааза с Джоном Говардом, известным английским общественным деятелем конца XVШ в. «Не уступая в своем роде и на своем месте Говарду, человек цельный и страстно-деятельный, восторженный представитель коренных начал человеколюбия, он был поставлен далеко не в такие условия, как знаменитый английский филантроп. Последнему достаточно было встретить, проверить и указать зло, чтобы знать, что данный толчок взволнует частный почин и приведет в движение законодательство.

Но Гааза окружали косность личного равнодушия, бюрократическая рутина, почти полная неподвижность законодательства и целый общественный быт, во многом противоположный его великодушному взгляду на человека. Один, очень часто без всякой помощи, окруженный неуловимыми, но осязательными противодействиями, он должен был ежедневно стоять на страже слабых ростков своего благородного, требовавшего тяжкого и неустанного труда, посева. Умирая, Говард оставлял ряд печатных, всеми признанных и оцененных трудов, служивших для него залогом земного бессмертия; выпуская из ослабленных смертельною болезнью рук дело всей своей жизни, Гааз не видел ни продолжателей впереди, ни прочных, остающихся следов позади. С ним, среди равнодушного и преданного личным «злобам дня» общества, грозило умереть и то отношение к “несчастным”, которому были всецело отданы лучшие силы его души. Вот почему для нас, русских, его личность представляет огромный интерес».

Доктор Гааз жил и трудился в России, в Москве с 1806 по 1853 гг. Начал он как успешно практикующий врач, быстро разбогатевший благодаря своим блестящим дарованиям. Но с 1825 г. всю свою энергию и средства он отдавал самым бедным, самым несчастным людям: больным арестантам, бездомным. Когда доктор Гааз умер, за его гробом шли 15 тыс. человек, но хоронить его пришлось на счет полиции, из-за его бедности. По разрешению св. митр. Московского Филарета в нескольких храмах Москвы служились панихиды.

Однако к концу XIX в. имя доктора Гааза оказалось почти забытым и только благодаря благородству и таланту известнейшего юриста и писателя Анатолия Федоровича Кони российская общественность восстановила замечательный образ врача бессребреника.

На годовом собрании Санкт-петербургского юридического общества в 1891 г. Анатолий Федорович Кони впервые произнес речь, посвященную памяти забытого было филантропа доктора Гааза. Потом Кони много раз читал и говорил о Гаазе, составил его биографию, выдержавшую несколько изданий, и сделал имя «неисправимого филантропа» одним из особенно популярных у нас имен.

Родился доктор Фридрих Иозеф Гааз в 1780 г. в рейнской области в маленьком городе Бад-Мюнстерайфель. Учился в Иене, Геттингене и Вене. Ученик Шеллинга и крупных немецких ученых своего времени. Прекрасно знал латынь, греческий, французский, медицину, философию, богословие, химию, ботанику, астрономию. Врачебная специальность — глазной врач. Практически он был, конечно, врачом самого широкого профиля.

В Россию он приезжает по приглашению княгини Репниной после успешной глазной операции, сделанной Гаазом князю Репнину, ее мужу, заключив с ней договор о работе в качестве домашнего врача с 1806 по 1810 гг. После окончания срока договора Фридрих Иозеф (Федор Петрович) Гааз остается в Москве и успешно практикует. Как

МЫ ПРИЗВАНЫ ХРИСТОМ НА СЛУЖЕНИЕ ЛЮБВИ

Из обращения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 23.12.03 г.

Социальные проблемы для нас с вами не просто абстрактные вопросы, решение которых можно отложить до лучших времен. Мы призваны Христом на служение любви, и мы не можем не сострадать тем, кого Христос называет своими меньшими братьями, и не стараться сделать все от нас зависящее, чтобы им помочь.

Не каждому приходу может быть по силам организовать сестричество милосердия, приют для сирот или гимназию. Но взять попечение о нескольких одиноких стариках, которые пережили десятилетия гонений, а сейчас не в состоянии порой добраться до храма, может каждая приходская община. И отцы-настоятели должны организовать эту приходскую заботу о немощных, бедных, больных и одиноких. Наверное, в каждом приходе есть многодетные семьи, которые выбиваются из сил, буквально едва выживая в крайне тяжелых условиях рыночной экономики. Разве не является заботой настоятеля организация регулярной и достаточной, подчеркиваю — достаточной, помощи христианам, отважившимся на подвиг рождения и воспитания детей чадами Церкви?

С первых лет существования Церковь заботилась о вдовах и сиротах. А теперь, когда нас не гонят, будем ли мы ограничивать свою деятельность?

врач он принимает участие в войне 1812 г. и проходит с русским войском от Москвы до Парижа.

Вскоре после войны Гааз исследовал все Кавказское Пятигорье и испробовал на себе действие местных целебных минеральных вод. Он первым довольно полно описал флору Предкавказья. Как итог своего путешествия доктор Гааз написал книгу об истории и целебных свойствах минеральных вод Пятигорья и, в сущности, создал новую отрасль медицины — курортологию. Открытия доктора Гааза привели к созданию курортов Ессентуки, Железноводск, Кисловодск. 22 февраля 1811 г. статс-секретарь Молчанов уведомил министра полиции о производстве Гааза в надворные советники вследствие обращения государем особого внимания на отличные способности, усердие и труды доктора Гааза «не токмо в исправлении должности в Павловской больнице (в Москве), но и неоднократно им оказанные во время пребывания при кавказских целительных водах». Словом, Гааз — модный, успешный и богатый врач и исследователь.

В 1825 г. доктор Гааз назначается распоряжением генерал-губернатора Москвы, князем Дмитрием Владимировичем Голицыным штадтфизиком Москвы, то есть главным врачом города. С утра до позднего вечера он разъезжал по больницам. Вскоре убедился, что его предшественник уволен несправедливо. Доктор Гааз сразу же написал обстоятельное письмо кн. Голицыну, а свое жалованье ежемесячно стал отсылать своему предшественнику.

Декабрьское восстание в Петербурге вызвало, конечно, взволнованную общественную реакцию в Москве. Выражалась она, правда, главным образом в горячих спорах в светских гостиных. Доктор Гааз, частый и желанный гость в образованных московских кругах, не мог не высказывать своего отношения к событиям, которое сложилось у него еще во времена его студенческой молодости. Наилучшим образом это отношение выражено в материалах, собранных Львом Копелевым в его замечательной книге о докторе Гаазе «Святой доктор Федор Петрович» («Петрориф», 1994, с. 53).

«Федор Петрович сочувствовал юношам, пылко рассуждавшим о свободе. — О, я понимаю вас. Я помню хорошо, как было у нас, когда приходила французская армия. Я был отрок тринадцать-четырнадцать лет, я тоже кричал *вив ля републик, аба ля тирании*. Я тоже очень хотел *эгалите, либертэ, фратернитэ*. Но мой батюшка, очень добрый и очень умный аптекарь, и мой очень добрый учитель, очень умный прелат объясняли: “Ты есть наивный глупый юнош, ты просишь свобода, но свобода всегда была, везде есть, свободу нам дал Спаситель Христос. Каждый человек может свободно решать: хорошее дело он хочет делать или дурное, доброе или злое. И равенство всегда было и есть, самое главное равенство перед небом. Великий аристократ и маленький поселянин суть равные, если они добродетельны, а хороший работник есть перед Богом более высокий человек, чем плохой король. И братство всегда было. И всегда может быть; надо лишь помнить уроки Спасителя, Нагорную проповедь, послания Апостолов. Каждый христианин есть брат всем людям. И совсем не надо делать *ребеллион* и *революцион*, надо отдать кесарю кесарево и послушно уважать государство, ибо каждая власть от Бога; и каждый человек может свободно делать добро и понимать, что все люди суть равные, поелику все люди — смертные, все грешат, все могут спастись, если просить помощь Христа. И надо быть братом всем людям…»

Доктор на собственные средства организует первую в Москве больницу для бесприютных. Сюда привозили подобранных на улицах пострадавших: сбитых экипажами, замерзших, людей, потерявших сознание от голода, беспризорных детей. Прежде всего, поступивших спешили обогреть, накормить и, насколько возможно, ободрить и утешить. Доктор сам, знакомясь с каждым, участливо выяснял все обстоятельства их бедственного положения. Назначалось лечение, а после выписки большинству оказывали дальнейшую помощь: иногородних снабжали деньгами на проезд до дома, одиноких и престарелых помещали в богадельни, детей-сирот старались пристроить в семьи обеспеченных людей. Персонал больницы подбирался тщательно. Равнодушных к делу и недобросовестных не держали.

Летом 1826 г. доктор Гааз подает в отставку от должности главврача, а в декабре 1928 года приглашается в «Комитет попечительства о тюрьмах». Здесь мы снова приведем цитату из биографического очерка о докторе Гаазе А.Ф. Кони:

«…Тюрьмы России в описываемое время — мрачные, сырые комнаты со сводами, почти совершенно лишенные чистого воздуха, очень часто с земляным или гнилым деревянным полом, ниже уровня земли. Свет проникает в них сквозь узкие, наравне с поверхностью почвы, покрытые грязью и плесенью и никогда не отворяющиеся окна, если же стекло в оконной раме случайно выбито, оно по годам не вставляется и

Могила Гааза
на Введенском кладбище в Москве

чрез него вторгаются непогода и мороз, а иногда стекает и уличная грязь. Нет ни отхожих мест, ни устройств для умывания лица и рук, ни кроватей, ни даже нар. Все спят вповалку на полу, подстилая свои кишащие насекомыми лохмотья, и везде ставится на ночь традиционная “параша”. Эти помещения битком набиты народом.

В этих местах, предназначенных, при их учреждении, для возможного исправления и смягчения нравов нарушителей закона,

широко и невозбранно царили разврат, нагота, холод, голод и мучительство. Разврат — потому, что в съезжих домах женщины не отделялись от мужчин, да и в других тюрьмах никаких серьезных преград между местами содержания мужчин и женщин не существовало, а надзор за теми и другими возлагался на голодных гарнизонных солдат и продажных надсмотрщиков, получавших ни с чем несообразное грошовое содержание. Люди одного пола содержались вместе, несмотря ни на различие возраста, ни на разность повода, по которому они лишены свободы. Дети, взрослые и старики сидели вместе; заподозренные в преступлении или виновные в полицейских нарушениях — вместе с отъявленными злодеями, которые по годам вследствие судебной волокиты заражали нравственно все молодое и восприимчивое, что их окружало».

С самого начала своей деятельности на новом месте Федор Петрович стал настаивать на упразднении варварского арестантского прута, на который во время этапов “нанизывали” пересыльных во избежание побегов. Прут был постоянно на замке, лишая несчастных этапников даже сна. Людей соединяли, как придется, без учета их возраста, здоровья и сил. На «прут» пристегивали на время перехода от одной «пересылки» к другой (2-3 и более дней) по 8-12 арестантов разного пола и возраста. Главный аргумент изобретателей (граф Дибич) и защитников (граф Закревский, генерал Капцевич и др.) прута — это самое эффективное «противопобеговое устройство».

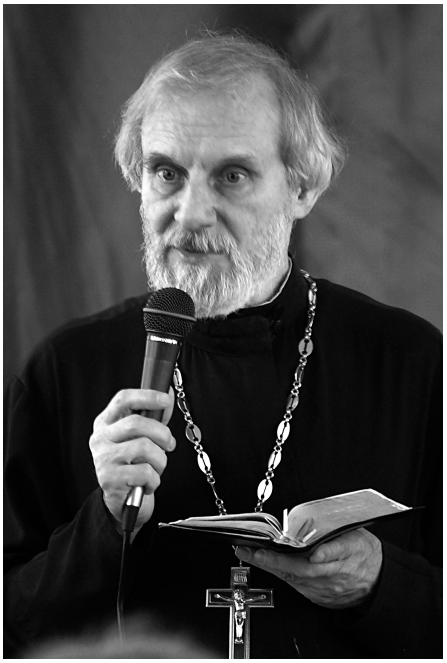
Доктор Гааз очень внимательно относился ко всем осужденным, с которыми ему приходилось встречаться. Это видно из его оценки причин совершения преступлений. «Преступления, кои свершаются разными людьми, — говорил Гааз, — бывают от разных причин. И вовсе не всегда от врожденного злодейского нрава — такое даже весьма редко бывает — и не так уж часто из корыстных и иных злых побуждений. Наибольшая часть преступлений свершается от несчастья — от несчастных случайных обстоятельств, при которых дьявол подавляет совесть и разум человека, одержимого гневом, ревностью, местью, обидой, либо от долгого тягостного несчастья, изнуряющего душу человека, преследуемого несправедливостью, унижениями, бедностью; такое изнурение души еще более опасно, чем случайный мгновенный порыв страсти».

Доктор непрестанно заботился об устройстве быта заключенных в пересыльных тюрьмах Москвы. Он контролировал устройство раздельных туалетов, нар. Много внимания отдал доктор усовершенствованию конструкции кандалов. Известен эпизод с хождением вокруг стола в кандалах при визите высокого гостя. Гааз попросил гостя некоторое время подождать, пока он в той же комнате закончит еще 20 последних кругов вокруг стола в надетых на него кандалах новой конструкции. Доктор на себе проверял, каково пройти в них 6 верст.

В своей неукротимой жажде спасать страждущих Гааз не задумывался о собственном достоинстве и самолюбии. Это показывает, среди многих других, известная история о том, как ради помилования престарелого раскольника Дениса Королева Федор Петрович стал на колени перед государем и отказывался встать, пока тот не изрек старику прощение. К «коленопреклонениям» доктор прибегал и перед губернатором, и начальником тюрьмы, и даже перед командиром конвоя, чтобы умолить не разрушать очередную арестантскую семью, не отнимать у матери ребенка. Он оправдывался: «Унизительно бывает просить на коленях милостей для себя, своей выгоды, своей награды, унизительно молить недобрых людей о спасении своего тела, даже своей жизни… Но просить за других, за несчастных, страдающих, за тех, кому грозит смерть, не может быть унизительно, никогда и никак».

Известно, как поступил доктор Гааз с больным, укравшим серебряные приборы, лежавшие на столе. Пока сторож бегал за квартальным, Гааз сказал вору: «Ты — фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть, Бог тебя рассудит... а теперь беги скорее в задние ворота... Да постой, может, у тебя нет ни гроша, вот полтинник; но старайся исправить свою душу: от Бога не уйдешь, как от будочника!»

Доктор Гааз чрезвычайно тепло отзывался о русском народе: «В российском народе есть пред всеми другими качествами блистательная добродетель милосердия, готовность и привычка с радостью помогать в изобилии ближнему во всем, в чем тот нуждается». И это правда, но мы сами, русские, сможем ли забыть и прочитать без негодования и краски стыда на лице о некоторых ужасных эпизодах из жизни доктора, о тех издевательствах, которые он вынес от больших и маленьких «должностных лиц» государства Российского.

На заданный ему вопрос: почему он, немец, католик, не возвращается из России к своим единоверцам и единоплеменникам, доктор Гааз ответил: «Да, я есть немец, но прежде всего я есть христианин. И, значит, для меня «несть эллина, несть иудея...» Почему я живу здесь? Потому что я люблю, очень люблю многие здешние люди, люблю Москву, люблю Россию и потому, что жить здесь — мой долг. Перед всеми несчастными в больницах, в тюрьмах».

В книге Л. Копелева приведены его слова: «Я не имею смелость рассуждать про историю, про догматы русской церкви, поелику я есть мирянин из другой церкви. Какая правда есть настоящая? Я смею думать, что у Вас, Ваше Высокопревосходительство, есть одна часть правды, у митрополита — есть другая часть. А вся правда есть только у Бога».

Веротерпимость доктора Гааза была уникальной. Этот католик знал лучше иного православного все тонкости православной литур-

гии и считал православие сестрой католицизма. Фёдор Петрович делал все для христианского просвещения россиян, сотни Евангелий, сотни написанных и изданных им «Азбук христианского благонравия», и книжечек «Призыв к женщинам» были розданы им уходившим из Москвы по этапу.

Дух просвещенной терпимости доктора был таков, что давал повод упрекать его в «измене католичеству». Так, профессор Фердинанд Рейс, врач и химик, убежденный лютеранин-евангелист, подшучивал над Федором Петровичем, говоря, что доктор Гааз плохой католик, ибо чаще бывает в православных церквах, чем в католической, и даже сам затеял постройку православной церкви на Воробьевых горах, дружит с русскими священниками, подпевает церковному хору и распространяет русские молитвенники.

Федор Петрович отвечал ему, что считает все расколы христианских церквей крайне досадными, но, скорее, условными, временными и второстепенными явлениями в истории христианства. Поэтому он всегда охотно содействует обращению мусульман и евреев в любую из христианских религий, но огорчается, когда кто-либо переходит из одной христианской церкви, которой принадлежат его родные, близкие, в другую, тоже христианскую.

Доктор Гааз говорил: «... Для меня образ Спасителя свят, где бы он ни был освящен — в Риме, в Кельне или в Москве. И слово Божье истинно и благотворно на всех языках. На латыни оно звучит для меня привычней и поэтому особенно прекрасно, но душе это слово внятно и по-немецки, и по-славянски, и по-русски».

Известен разговор доктора с митрополитом Филаретом о судьбе осужденных.

«— Вы все говорите о невинно осужденных, Федор Петрович, но таких нет, не бывает. Если уж суд подвергает каре, значит, была на подсудимом вина...

Гааз вскочил и поднял руки к потолку.

— Владыко, что Вы говорите?! Вы о Христе забыли. Вокруг тяжелое, испуганное молчание. Гааз осекся, сел и опустил голову на руки. Митрополит Филарет глядел на него, прищурив и без того узкие глаза, потом склонил голову на несколько секунд.

— Нет, Федор Петрович, не так. Я не забыл Христа... Но, когда я сейчас произнес поспешные слова... то Христос обо мне забыл».

Истории про идеальнейшего, душевнейшего «чудака-филантропа» Гааза неизменно воспроизводятся (в основном из А.Ф. Кони) и будут, видимо, воспроизводиться и расширяться в жизнеописаниях святого доктора. Между тем, истинный немец Гааз был прагматичным жизнеустроителем, умеющим претворять «души прекрасные порывы» в конкретные, облегчающие жизнь и быт людей, дела.

Его любовь ко всем слабым и беззащитным проявлялась всюду.

Любил доктор Гааз не только людей, но и животных и с особенной нежностью относился к лошадям, выполнявшим тяжелый труд. Он покупал их на специальном рынке, где, как вспоминал один из современников, уже непригодных, «разбитых» лошадей продавали как «конину», и тихонько ездил на них. А когда они по болезни и старости отказывали окончательно, отпускал их свободно доживать свой век, а сам вновь покупал таких же изношенных, спасая их от ножа и бойни. Часто, проголодавшись в дороге, Гааз выходил из своей старомодной коляски и покупал четыре калача — один для себя, другой для кучера и по калачу для каждой лошади. Всю же имевшуюся у него провизию, как и подарки, он всегда отдавал заключенным.

Лев Копелев пишет, что Федор Петрович Гааз был душевно и духовно близок Пушкину, Гоголю, Некрасову, Достоевскому, Толстому, Чехову, Короленко — ведь им всем присущ дух неподдельного сострадания, сочувствия «маленьким людям», униженным и оскорбленным, даже тем, кто совершал преступления. Один молодой москвич, узнав историю доктора Гааза, сказал: «Да ведь этого добрейшего чудака мог бы придумать Толстой или Достоевский... Я так и вижу его среди персонажей их романов».

Когда Гааз тяжело заболел и арестанты стали просить тюремного священника Орлова отслужить молебен о его здоровье, тот поспешил к митрополиту просить разрешения; молебен о здравии иноверца не был предусмотрен никакими правилами. Филарет, не дослушав объяснений священника, воскликнул: «Бог благословил нас молиться за всех живых, и я тебя благословляю! Когда надеешься быть у Федора Петровича с просфорой? Отправляйся с Богом. И я к нему поеду». После того как доктор умер, в православных храмах молились за упокой души раба Божьего Федора.

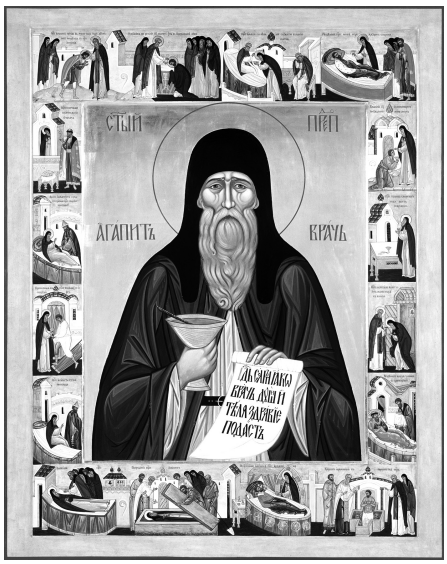
Председатель Петербургского тюремного комитета Лебедев начал в 70-х гг. XIX в. изучать историю его жизни и написал пространную монографическую работу «Федор Петрович Гааз», в которой он утверждает:

«Гааз, в двадцать четыре года своей деятельности, успел сделать переворот в нашем тюремном деле. Найдя тюрьмы наши в Москве в состоянии вертепов разврата и уничижения человечества, Гааз не только бросил на эту почву первые семена преобразований, но успел довести до конца некоторые из своих начинаний, и сделал один и не имея никакой власти, кроме силы убеждения, более, чем после него все комитеты и лица власть имевшие».

«Что может сделать один против среды? — говорят практические мудрецы, ссылаясь на поговорку «Одни в поле не воин». — «Нет! — отвечает им всей своей личностью Гааз: «И один в поле воин». Вокруг него, в память него соберутся другие, и если он воевал за правду, то сбудутся слова апостола: «Все минется, одна правда останется» (А.Ф. Кони).

Обстановка сегодняшнего дня показывает нам, что при всех недостатках нашего общества у нас имеется самая главная свобода — свобода быть учениками Христа, творить добро, которое и сегодня столь востребовано в нашей стране и в нашем огромном городе. Никогда еще в России не было столь благоприятных условий для того, чтобы быть деятельным христианином. Пример жизни доктора Гааза, немца, католика, беззаветно любившего православный русский народ, и вообще каждого страдальца, с кем он встречался, а среди них были не только русские, но и чеченцы, и евреи, и цыгане, для нас сегодня особенно важен.

Как нередко бывает во время пе-

Преподобный Агапит Печерский

реживаемых страной социальных, экономических и политических трудностей и перемен, многие люди поддаются на простые рецепты для решения сложных проблем. Однако так не бывает. Только упорный труд и терпение, только готовность стать на путь, который указан нам Спасителем мира, Иисусом Христом могут принести улучшение жизни общества и вознаградить каждого из нас счастьем, которое достигается в служении несчастьям ближних. На этом пути нас направляют две главные заповеди христианства. Во-первых, сделал ближнему — сделал Самому Христу. Во-вторых, во Христе нет ни иудея, ни эллина, но все призваны быть новым, преображенным творением.

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл недавно заявил, что ксенофобия может привести к катастрофическим последствиям для России.

«Ксенофобия — грех, а для России еще и великая опасность», — отметил владыка Кирилл на встрече с представителями молодежной организации «Наши», отвечая на вопросы аудитории. Митрополит Кирилл особо отметил многонациональность России как одно из ее важнейших, неотъемлемых достоинств, подчеркнув неизбежность дилеммы — «либо Россия будет великой и многонациональной, либо мононациональной и невеликой».

Доклад на Конференции памяти доктора Федора Гааза, Москва, 27.04.2007

Ирина ЯЗЫКОВА

ТРАДИЦИИ МИЛОСЕРДИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА РУСИ

Христианство невозможно без милосердия, ибо одна из заповедей блаженства прямо говорит: «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7). Любовь к ближнему Христос ставит наравне с любовью к Богу, потому и говорит: Кто сделал это [накормил, одел, посетил в темнице] одному из малых сих, тот делал это Мне (Мф. 25,40). Не случайно одни из самых почитаемых святых это врачи и целители — Косма и Дамиан, Кир и Иоанн, Пантелеймон. Восприняв христианство, русская культура усвоила и евангельские заповеди о любви, милосердии, служении малым. От самых истоков христианства на Руси можно видеть величайшие примеры милосердного отношения к больным, сирым и убогим. Об этом мы читаем в Киево-Печерском патерике, памятнике XII в. Так, среди братии Киево-Печерского монастыря был Агапит, врач, который лечил больных безвозмездно. Он обычно приглашал больного на монастырскую трапезу, давал ему простой монашеской пищи и она становилась для больного истинным лекарством, от которого он исцелялся. Агапит не брал за это денег, поэтому шли к нему самые бедные. Однажды пришлось ему исцелить Черниговского князя, Владимира Мономаха, впоследствии занявшего Киевский престол. Князь решил щедро отблагодарит врача, тогда Агапит ушел в Дальние пещеры и не показывался на глаза князя.

Там же в Киево-Печерском монастыре подвизался Алипий-художник, прославившийся как первый иконописец на Руси. Помимо таланта он имел доброе и щедрое сердце. Деньги, полученные за иконы, он обычно делил на три части: одну часть он отдавал бедным, на другую питался сам, третью тратил на краски и кисти. Его иконы почитались чудотворными, да и сам он творил немало чудес. В Патерике описывается случай, когда к нему пришел больной проказой: Алипий закрасил краской раны на его теле, и больной тут же исцелился.

Вообще в традициях русского монашества во все века было милосердие. При монастырях часто создавались приюты, богадельни, больницы. Монастыри кормили бедных и нищих, принимали странников, окормляли вдов и сирот. Даже в споре между нестяжателями, стоявшими за строгость и бедность монастырей, и иосифлянами, сторонниками богатых монастырей, не последним аргументом последователей Иосифа Волоцкого было то, что богатый монастырь в голодный год может прокормить всю округу, помочь большему числу людей.

Но даже в тех монастырях, где процветала бедность, милосердия не забывали. В житиях великих подвижников можно найти высокие примеры милосердных деяний, причем поражает та естественность, с которой они творили добро людям. Так, например, самым первым чудом преп. Сергия Радонежского было воскрешение замерзшего отрока. Житие сообщает, что когда Сергий жил еще один, как отшельник, в лесу, его нередко посещали окрестные крестьяне, приходившие в лес для заготовки дров. Однажды в келью преподобного постучался крестьянин и попросил оставить на короткое время в сенях своего замерзшего сына. Вместе с малолетним сыном этот крестьянин отправился в лес, а стоял лютый морозный, и сын его замерз. Без дров вернуться в деревню крестьянин не мог, вот и попросил у Сергия разрешения положить труп отрока, пока сам нарубит дрова. Пока крестьянин отлучился, преп. Сергий стал молиться над мальчиком, и тот ожил. Крестьянин вернулся и

увидел своего сына живым. Он стал благодарить преподобного за чудо воскрешения, на что Сергий ответил: ничего особенного не произошло, мальчик просто замерз, а теперь отогрелся, так что вези своего сына домой. Этот случай ярко свидетельствует, что святой — это человек, у которого сердце отзывается на горе ближнего, и потому Бог дает ему дар чудотворения.

Существует немало примеров милосердия и благотворительности светских людей, особенно женщин. Например, княгиня Евфросиния Московская, прославившаяся своей благотворительностью и попечением о вдовах и сиротах, после Куликовской битвы основала Рождественский монастырь в Москве, где могли жить вдовы погибших в битве воинов. Женщине в Средние века одной, без мужчины-кормильца прожить было просто невозможно, поэтому такой монастырь для многих стал истинным спасением.

Не менее ярок пример святой Иулиании Лазаревской. Она жила во 2 пол. XVI – нач. XVII вв., во время Ивана Грозного и Смуты. Эпоха была страшной, люди часто теряли человеческий облик, мерзость и запустение пришли на русскую землю. Но Иулиания именно в это время явила пример подлинной христианской любви и милости. Она происходила из рода небогатых дворян Недюревых, была отдана замуж в Муром, за Осоргина, владевшего большим имением. Иулиания не превозносилась над слугами, трудилась наравне с ними, всегда старалась помочь бедным. Когда на Руси настал голод, Иулиания отпустила своих крепостных на волю (и это за три сотни лет до реформ!), чтобы они могли найти лучшие условия для жизни. Она раздала все съестные припасы, которые были в имении, весь хлеб, и стал печь пирожки из лебеды и глины; по ее молитвам они становились съедобными, и она раздавала их голодным, неимущим, беженцам, спасая тем самым их от голода.

К сожалению, летописи такие деяния почти не фиксировали, отмечая лишь деяния князей, их военные походы и политическую деятельность, да и князьям, как правило, были присущи другие таланты. Монастырские хроники об этом говорят скупо, потому что в монашеской среде, напротив, милосердие было делом обычным и потому не отмечавшимся особо. Поэтому от ранних времен мы имеем мало свидетельств; начиная с XIX в. документов становится все больше и больше.

Величайший русский подвижник Серафим Саровский имел особое попечение о вдовах и сиротах. Собственно, такой была Дивеевская община, которую после кончины ее основательницы Агафьи (в иночестве Александры) Мельгуновой духовно опекал преп. Серафим. Более того, он понял, что вдовы и сироты слишком разные по всем показателям категории людей, так что вместе им жить трудно, и он разделили единую общину на две. Девушек он организовал в трудовую, так наз. Мельничную, общину, дав им возможность самим зарабатывать деньги, трудясь на мельнице, и, исполняя несложное молитвенное правило, возрастать духовно. Тем

Святой праведный Иоанн Кронштадский

самым преподобный сразу решал две задачи — давал людям хлеб насущный и пищу духовную.

Примером организации действенной помощи был св. Иоанн Кронштадский. Еще в кон. 1880-х гг. он основал «Дом трудолюбия», в котором было множество разных мастерских. Трудиться в них могли потерявшие дом, работу, а порой и самих себя. Здесь они возвращались к нормальной жизни, приобретали профессию, находили новые опоры в жизни. О. Иоанн Кронштадский устраивал также школы для бедных, женскую богадельню, детский приют. Помимо того Бог наградил его даром молитвы и чудотворения, которыми о. Иоанн широко пользовался — и не только при личной встрече, но и заочно. Узнавая о бедах людей из писем, он молился за человека, порой даже не видя его, и тот исцелялся, находил работу, приходил к Богу.

С подачи о. Иоанна Кронштадского «Дома трудолюбия», а также «Работные дома» стали устраиваться по всей России. Сегодня нам даже не всегда ясна разница между ними, тогда как в кон. XIX– нач. XX вв. это было целое благотворительное движение, в котором принимали участие тысячи людей. «Дом трудолюбия»— это учреждение, помогающее бедным, не имеющим постоянной зарплаты, освободившимся из мест заключения, изгнанным с работы и всем, кто по разным причинам попал в нужду. Были даже «Дома трудолюбия» для девиц-сирот дворянского происхождения, в которых они могли получить профессии гувернантки, стенографистки, переводчика. «Работный дом»— это учреждение принудительного труда, в котором живут и работают те, кого туда направляют власти. Но в целом и те, и другие Дома содержались за счет общественности и обслуживались на принципах волонтерства. Обычно попечением таких заведений занимались общественные комитеты, многие из которых организованы были женщинами. А в некоторые принимались и дети, но не моложе 8 лет. В такие благотворительные комитеты объединялись, например, семинаристы. Они помогали бедным приходам, формировали храмовые библиотеки, читали лекции на темы веры и т.д.

В России в XIX в. существовали сотни общественных групп, комитетов, организаций, занимающихся благотворительностью и делами милосердия. И участие в них считалось почетным, самые знатные люди стремились внести свой вклад. Например, в Симбирской губернии в 1817 г. было основано благотворительное общество, члены которого получали серебряное кольцо с надписью: «Блажен уразумеваяй на нища и убога, в день лют избавить его Господь».

XX век — жестокий и страшный, забывший, казалось, о милосердии, тоже дает яркие примеры милосердия. Среди наиболее выдающихся людей этого времени — великая княгиня преподобномученица Елизавета Федоровна и святитель-хирург Лука Войно-Ясенецкий. Хочется верить, что и в наше время не оскудеет запас милосердия в нашей Церкви.

Татьяна ВАСИЛЬЕВА

МИССИЯ ОБЩЕГО ДЕЛА

Для меня наше служение кормления — это доверительное поручение от Господа. Девять лет назад на реколлекции в Кратово мы думали над тем, что может способствовать созданию общины в приходе. Я тогда написала, что помимо молитвенной жизни, евангельских групп, должно быть совместное служение. А через полгода появилась возможность раздавать суп бездомным и малоимущим прихожанам. Была организована группа кормления, а мне предложили ее возглавить.

Это была задача со многими неизвестными, и нас не один год мучили различные страхи. Сколько человек придет на служение? Справимся ли? Сможем ли обеспечить порядок в храме и перед ним? Хватит ли на всех еды? Успеем ли приготовить еду и накрыть столы, если служба с утра задерживается? Найдется ли кому ставить столы, переносить тяжелые кастрюли, мыть полы? Успеем ли убраться до вечерней службы? И многомного других тревог. И наконец, мы поняли, что это не наше человеческое служение. Его организовал и каждый раз осуществляет Господь. Это Он на каждом служении ставит перед нами разные задачи. И когда мы понимаем, что пришли исполнять не свою волю, но Его, то и решения приходят, и происходит наше возрастание в доверии к Богу. Сейчас в группе около пятидесяти человек, принимающих активное участие в служении.

Встречая людей, которые приходят на обеды, мы поняли, что, кроме еды, они нуждаются в одежде, предметах гигиены, в медицинской помощи. Изначально эти задачи не ставились — не было условий, сил и времени; но Господь усмотрел, и это делается. По возможности, мы закупаем носки, раздаем одежду, которую приносят наши сестры, помогаем лекарствами и делаем перевязки. Последние полтора года заботами о. Александра по средам приезжает автобус «Милосердие» от о. Аркадия Шатова, который оказывает медицинскую и социальную помощь.

Каждое служение — это сражение с силами зла. Они пытаются разрушить его и снаружи, и изнутри. Снаружи нам пытаются навязать порядки бродяжьей, тюремной и советской жизни. Противостояние этому требует нашей стойкости, твердости и сплоченности. Изнутри в процессе совместного труда и общения вылезает то некрасивое и недоброе, что накопилось в наших душах. Взаимное понимание и совместное преодоление этих состояний еще больше сближают нас.

Но бывают очень сложные, болезненные ситуации, которые ставят перед нами вопрос: можем ли мы принять человека таким, какой он есть, и нести его — или нет? Обнаруживаются совершенно разные взгляды по основному вопросу: зачем я здесь. Мне кажется, само слово «служение» подразумевает, что мы приходим сюда служить. Служить Богу, отдавая свои силы, здоровье, время, выполнять Его волю. Не мою — чтобы мне стало лучше, чтобы я могла гордиться собой, ощущать свою значимость. И даже не священника, если он направил кого-нибудь с мыслью — вдруг поможет от депрессии. Задача услышать Его и пойти, не спрашивая, что мне за это будет.

Иногда случается и так: человек пришел служить, но ему не нравится, как мы это делаем, он хочет все переиначить по-своему. Мы всегда обсуждаем подобные ситуации, ищем компромисс, устанавливаем границы деятельности таких людей, чтобы их участие не разрушало служения. Или — человек не хочет работать, приходит, чтобы удовлетворить свои собственные интересы: пообщаться, посидеть за столом, поесть вкусненького, встретиться с посторонними людьми, просто выспаться, пока все работают. Подобного рода людям мы предлагаем поискать для общения и отдыха другое место. Или же — человек не воцерковлен, его прислал или привел какой-нибудь доброхот со стороны, сказав: там хорошо, там тебе помогут. Вести такого человека, помогать ему, требует сил от общины. Но, как правило, он не готов меняться и быстро уходит. Наверное, все дело в изначальном настрое: брать или

отдавать пришел человек. Это и определяет его поведение.

Сейчас, когда у нас уже есть слаженная дружная команда, эти проблемы решать гораздо проще. Каждое кормление для нас — это радость встречи, общения, совместного труда. Это стало очень важной частью нашей жизни. Большинство группы — люди в возрасте. Здоровье подводит. Но человек приходит иной раз из последних сил. И каждый раз происходит чудо — Бог дает силы, куда-то деваются боль, усталость. Мы не перестаем удивляться и благодарить за это. Ушедшие от нас к Богу Женя Кабанова и Люся Бачурина до последнего дня говорили: «Как хочется еще хоть разок побывать на кормежке».

Наше общение продолжается в паломничествах, экскурсиях, молитвенных встречах, группах чтения Евангелия, изучения богослужения. Нас объединяет молитва друг за друга, взаимопомощь.

Выросло и доверие к нам «прихожан по средам и пятницам» (как представился в поздравительной открытке один бездомный). Достаточно четкая организация, обращение к ним с проповедью, молитва создают эту доверительную обстановку. Во время кормления обязательно читается Псалтирь. В 17 главе книги Исход рассказывается, как Моисей молился с поднятыми руками до захождения солнца во время сражения, и победили израильтяне. Непрерывная молитва в тот момент, когда надо все предусмотреть и успеть, — это наши поднятые руки за служение и за каждого, кого привел Господь к нам на обед.

Может быть, поэтому к нам приходит так много людей. Братья из автобуса «Милосердие» говорят, что за те три часа, что они ведут прием перед храмом, к ним обращается иногда больше народа, чем за целый день, проведенный на площади у трех вокзалов. Это наводит на мысль, что наше служение может стать базой для других видов помощи, очень нужных этим людям, — таких, как социальная и психологическая реабилитация, медицинская и наркологическая помощь, предкатехизация и духовное окормление. Но это уже дело не энтузиастов, а специалистов.

Константин МУРАШОВ

НАКОРМИТЬ ВНИМАНИЕМ

Вот, мы кормим по средам и пятницам голодных людей. Кто-то сочувствует, одобряет, говорит, что это здорово. А часто я выслушиваю возмущение, причем почти всегда в одинаковой притче: вы даете человеку рыбу, вместо того, чтобы дать ему удочку и научить эту рыбу добывать самому. Вы не помогаете, а развращаете этих бродяг, которые просто не хотят работать. Вот пусть они хлебнут лиха, тогда, глядишь, одумаются…

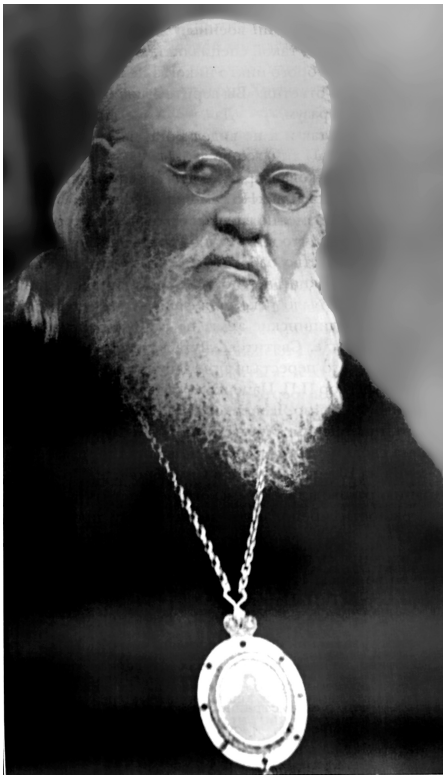
Мы с вами знаем, что только по официальной статистике зимой в Москве замерзают сотни безымянных людей. Проскакивала информация, будто средний срок жизни бездомного 2 года. Так что лиха им хватает.

Важнее всмотреться в себя. Что стоит за такой позицией: «Кто не работает, пусть не ест»? Возмущение и агрессия рождаются от того, что другой человек живет не так, не правильно. С чьей точки зрения? Кто судьи? Действительно ли ценность человеческой личности целиком определяется приносимой ею общественной пользой?

Иногда вместо осуждения встречается равнодушие: мне дела до них нет; пусть живут, как хотят, лишь бы не воняли и на глаза не попадались. Такое отстранение трудно совместить со следованием евангельскому призыву — быть солью земли и светом мира. Мне думается, отказ увидеть, признать страдания другого человека ведет к остыванию души, поражает дух того, кто отвернулся. Сейчас, похоже, это болезнь большей части нашего общества…

Если всерьез оценивать деятельность группы кормления, наша помощь весьма скромная. Что такое два обеда в неделю? Малое подспорье, которое не спасает, а только поддерживает каждого, кто придет и сядет за общий стол. Обедают у нас не одни бездомные. Есть постоянная «гвардия» бабушек и дедушек; приходят и гастарбайтеры — рабочие из бывших советских республик, живущие впроголодь на московских стройках, — и покинувшая свой дом молодежь, и дети-беспризорники. Бывают освободившиеся из заключения, накрепко усвоившие, что труд — это форма тюремного наказания. Немало отвоевавших ребят, которые не могут вернуться в мирную жизнь без серьезной психологической реабилитации.

Люди самых разных возрастов, мировоззрений, вероисповеданий встречаются за обеденным столом. Все они больше, чем в пище, остро нуждаются в человеческом отношении к себе. Каждый из них потерпел свое кораблекрушение в жизни, несет свой «надежд разбитых груз». Они ранены пренебрежением к себе в повседневной жизни. Защита собственного достоинства, компенсация ощущения своей социальной неполноценности требуют немалых сил и напряжения. И пожалуй, главная наша помощь заключается в принятии этих людей без всяких условий. То, что их пускают в храм и здесь кормят, уже само по себе свидетельствует — от них не отвернулись. Ведь и главная радость Благой Вести об этом: Бог принимает и любит каждого.

"Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе"

СВЯТИТЕЛЬ ЛУКА — ЕПИСКОП, ВРАЧ, ИСПОВЕДНИК

Потомок старинного княжеского рода Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился 27 апреля 1877 г. в Керчи. Юность провел в Киеве, в 1903 г. окончил медицинский факультет Киевского университета. После окончания учебы работал в земских больницах, был, как он сам себя называл, «мужицким доктором». С началом русско-японской войны в 1904 г. Войно-Ясенецкий в составе медицинского отряда выехал в Читу. Здесь молодому врачу доверили заведовать хирургическим отделением и проводить сложные операции. Не оставляя службы, в 1916 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины, признанную в России лучшей работой года. Весной 1917сг. болезнь жены заставила Войно-Ясенецкого переехать в Среднюю Азию, где он становится главным хирургом Ташкента. В 1920сг. В.Ф. Войно-Ясенецкий принимает участие в организации Туркестанского университета.

В 1921 г. умирает его жена, и он, несмотря на ужесточающиеся антирелигиозные гонения, становится священником. В течение двух лет отец Валентин заведует кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии Туркестанского университета, в рясе читает лекции студентам, оперирует в больнице. Одновременно он работает над главным трудом своей жизни — «Очерками гнойной хирургии». В 1923 г. назначен на Ташкентскую епископскую кафедру, хиротонисан во епископа с именем Луки. В том же году был арестован и сослан в Восточную Сибирь, в Енисейск и Туруханск, и далее — на берег Ледовитого океана. Ссылка продлилась три года, в 1926 г. Войно-Ясенецкий возвращается в Ташкент. Но в 1930 г. новый арест и ссылка — теперь в Архангельск, опять на три года.

Всего в ссылках и тюрьмах святитель Лука провел без малого 12 лет. Но нигде он не оставлял ни своего священнического служения, ни практической, научной и литературной работы.

Во второй ссылке Войно-Ясенецкий разрабатывает новый метод лечения гнойных ран. А в 1934 г., между второй и третьей ссылками, в свет выходят «Очерки гнойной хирургии», получившие высочайшую оценку специалистов и не утратившие своей актуальности до сих пор.

В 1937 г. епископ Лука был снова арестован, после допроса, продолжавшегося тринадцать суток, Войно-Ясенецкий подписал ложные обвинения. Местом третьей ссылки стал Красноярский край.

В начале Великой Отечественной войны, еще будучи в ссылке, владыка обратился к властям с просьбой использовать его в военных госпиталях как хирурга. Просьба была удовлетворена, когда срок ссылки закончился. С 1942 г. святитель Лука совмещает хирургическую практику с возобновленным архиерейским служением. В это же время митрополит Сергий возводит епископа Луку в сан архиепископа и назначает на Красноярскую кафедру, одновременно с этим он становится консультантом госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя.

В 1943 г. архиепископ Лука участвует в соборе, избравшем митрополита Сергия патриархом, и избрается постоянным членом Святейшего Синода. В 1944 г. фронт отодвигается в сторону Германии, и эвакогоспитали переезжают в Тамбов. В феврале 1944 г. Лука становится архиепископом Тамбовским и Мичуринским. В Тамбове за самоотверженный вклад в медицинскую науку и практическую хирургию Войно-Ясенецкий был награжден медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне». А в 1946 г. его труд «Очерки гнойной хирургии» удостоен Сталинской премии.

В 1946 г. владыка Лука переводится на Крымскую кафедру и переезжает в Симферополь. До конца дней он остается архиепископом Симферопольским и Крымским. Пока позволяло зрение, Валентин Феликсович продолжал хирургическую деятельность, но в 1956 г. он полностью ослеп. При этом он продолжал пастырское служение и работу по налаживанию церковной жизни в Крыму. Несмотря на сопротивления властей, он постоянно открывал новые храмы. Велик был его дар проповедника. Он постоянно проповедовал в храме, хотя это совсем не приветствовалось в те годы, тщательно записывал свои проповеди и рассылал листки с текстами по городам страны. «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе», — говорил он и оставался верен этому принципу до конца своих дней.

11 июня 1961 г., в День Всех Святых, архиепископ Лука скончался. Он был похоронен в Симферополе, на церковном кладбище при Всехсвятском храме. Несмотря на запрет властей, его провожал весь город: сотни людей пришли проститься с хирургом-архиепископом.

Святитель Лука оставил огромное наследие: 55 научных трудов по хирургии и анатомии и 12 томов проповедей.

В 1995 г. определением Синода Украинской Православной церкви Московского Патриархата архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) был

Перенесение мощей святителя Луки

причислен к лику святых. Через несколько лет он был прославлен также в Красноярской епархии. А Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 г. включил исповедника Луку в сонм новомучеников и исповедников Российских XX века для общецерковного почитания.

Во многих городах России стоят памятники великому архипастырю, ученому и врачу, в том числе и в Институте им. Склифосовского в Москве. В нескольких городах построены или строятся храмы во имя святителя Луки. Существует множество свидетельств об исцелениях на могиле архиепископа и помощи по молитвенному обращению к нему.

Память святителя Луки празднуется 11 июня (29 мая по ст. стилю).

Ирина ЯЗЫКОВА

Тропарь свт. Луке (Воино-Ясенецкому), архиеп. Крымскому, глас 4

Возвестителю пути спасительного,
исповедниче и архипастырю Крымския земли,
истинный хранителю отеческих преданий,
столпе непоколебимый, Православия наставниче,
врачу богомудрый, святителю Луко,
Христа Спаса непрестанно моли
веру непоколебиму православным даровати
и спасение, и велию милость.

В КАРСАВА НЕБО СТАНОВИТСЯ БЛИЖЕ

В Карсава — все не случайно и все удивительно. У архимандрита Виктора Мамонтова я бывала раз пять или шесть, обычно с группой. На этот раз еду одна. Вернее, не совсем одна — к о. Виктору едет воскресная школа общины о. Георгия Кочеткова во главе с Маргаритой Белотеловой. Прихватили по братской любви и меня. На станции Резекне, как всегда, сразу покупаю обратный билет, чтобы никого этим не затруднять. Заодно спрашиваю у кассирши, ходит ли местный поезд до Карсавы. Сразу понимающее: «К отцу Виктору?» На душе становится теплее…

У всех в группе паспорта, визы, всё в порядке — не в первый раз! Но одна загвоздка: по сложившимся обстоятельствам вместо одного мальчика едет совсем другой того же возраста, но нисколько не похожий. Волнуются все, особенно, конечно, мама мальчика: проскочим ли? Делается попытка организовать «схожесть» заклеиванием родинки, но все понимаем, что это наивность. Через некоторое время соображаем (не сразу!), что есть более надежный способ: молимся. В таком нервозно-приподнятом настроении доезжаем до последнего пункта на железной дороге, находящегося еще в России. Дальше автобусом. Через несколько километров граница с Латвией. Это не шутка (с их точки зрения). Мандраж усиливается. И тут начинаются чудеса. Пересекаем границу, и для того, чтобы попасть в нейтральную зону, все по одному проходят через турникет. Пограничник внимательно проверяет документы, сверяет лицо и фотографию и спокойно пропускает «не того» мальчика. «Полувздох» облегчения: еще же одна проверка при выезде из нейтральной зоны. Тут уже без турникета. Пограничник входит в автобус и делает перекличку. Каждый встает, показывается. Слава Богу: всё в порядке. Поехали. Не сговариваясь, начинаем петь пасхальные песнопения. Чудо всем понятно: едем же к отцу Виктору! Все голодные и счастливые.

Уезжаю домой. У меня билет на поезд из Резекне в Москву. Как раз успеваю последним автобусом из Карсавы. Он уходит по расписанию через двадцать минут. Меня проводит Вера с велосипедом и довезет мои вещи, значит, всё в порядке. Подхожу к батюшке за благословением на дорогу. Как обычно, он мажет освященным елеем, а затем не спеша говорит: «Еще успеете прочитать девятый час». Я в некоторой растерянности: «я же опоздаю!», но не спорить же с батюшкой. Беру книгу и читаю, честно говоря, «галопом по Европам». Потом Алла мне сказала, что я наделала множество ошибок, но мне не до этого. Наскоро целую всех, кто рядом, и мы с Верой бежим. На остановке выясняется, что автобус сильно задерживается. Батюшка знал!

В то время, когда мы, москвичи, еще не утомили резекненскую общину, у них было правило встречать и провожать всех гостей, будь то группа или один человек. В мой первый приезд я была представлена как «катехизатор из Москвы». По этому случаю было внеочередное собрание общины в Резекне. Их теплый прием и совместная молитва запомнились мне надолго. А затем, несмотря на мои протесты — ведь на дворе сильный мороз, меня все пошли провожать на поезд в Москву. Личность батюшки незримо во всем присутствует. Его духовное влияние очень велико.

Многократно спрашивали меня те, кто еще не побывал у о. Виктора: «Что там такого особенного, почему ты так туда стремишься?» И каждый раз я не знала, как объяснить. Да, батюшка Виктор читает молитвы в алтаре, так что слышно в храме. Но и в нашем храме они тоже слышны. Батюшка внимательно выслушивает всех исповедников! Но и в нашем храме тоже выслушают, если придешь в подходящее время.

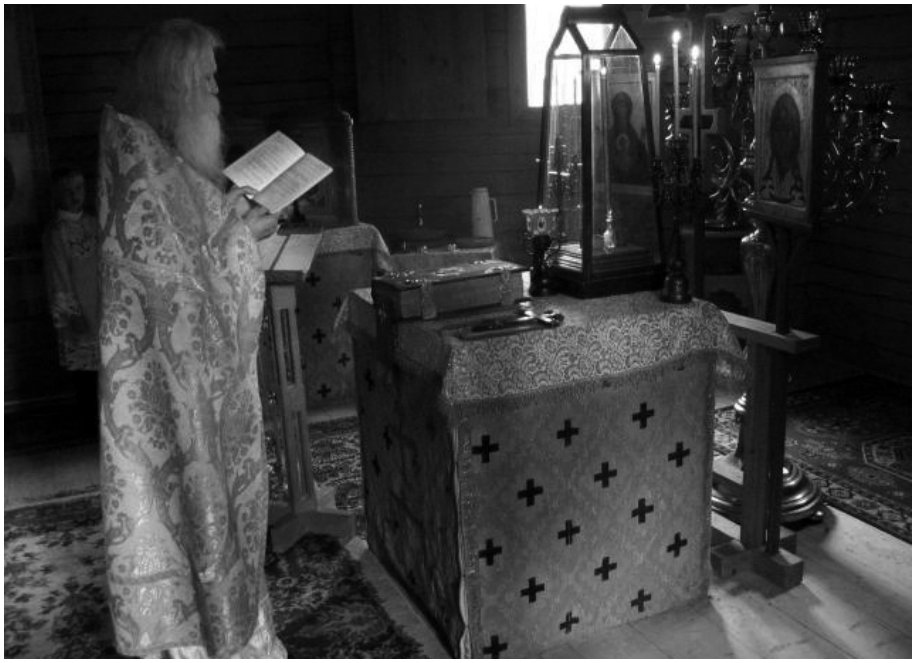

Фото Евгения Молодова

Проповеди? Но и в них нет ничего необычного. Запоминает каждого, кто хоть раз приезжал? Но и о. Георгий Чистяков помнит весь приход по именам.

Дело в личности самого батюшки, его любящих глазах — глазах, говорю с дерзновением, еще не прославленного святого, в которых, по выражению владыки Антония, «виден свет вечной жизни». Незабываемый момент в конце вечерни, когда батюшка выходит на амвон и молча молится. К этой молитве невозможно не присоединиться и не проникнуться ее глубиной. Воистину ангелы летают по храму в это время.

А сам храм преп. Ефросинии Полоцкой! Вытянутый не в длину, как обычно, а в ширину, и потому алтарь рядом, совсем близко. Горят все лампады, но в храме все равно полумрак, и ничто не отвлекает от молитвы.

А еще неспешный обход всем вместе с о. Виктором вокруг храма по окончании службы!

А беседа с батюшкой с глазу на глаз! На сколько бы ты ни приехал в Карсаву, хоть на день, батюшка обязательно найдет время для такой беседы. В первый мой приезд он посвятил мне одной три часа. Можно поговорить обо всем, что волнует, с полной уверенностью, что тебя поймут. И многое из того, что казалось важным, както растворяется в свете любви Христовой, а на первый план выходит совсем другое, нечто гораздо более существенное. Один раз, поскольку была хорошая погода, батюшка предложил мне поговорить во время прогулки. Он сказал, что ответит на все мои вопросы, сколько бы их ни было. По-видимому, он был рад, что все они касались не моих личных проблем, а, так сказать, общих тем. Во время прогулки он, не теряя нити беседы, тем не менее, заинтересованно обращал внимание на все происходящее вокруг. Радовался новому расцветшему цветку, щенку, которого раньше не видел. Чем- то это напоминает прочитанное недавно в дневниках прот. Александра Шмемана — та же любовь и благодарность ко всему Божьему творению.

Вот, собственно, и всё. И для этого стоит возиться с получением визы в посольстве Латвии (мне однажды отказали, и не только мне), жить, как придется и где придется…

А вот едут к отцу Виктору не только из Резекне и Риги, и со всей Латвии, но и из России — Москвы, Питера, других городов и весей. И из других стран, даже из Америки. Например, встретилась там с паломницей с Сахалина, женщиной немолодой, хоть и моложе меня (наша «молодёжка» не совсем за глаза называла нас «наши старушки»). Знаю, что бывают в Карсаве и из Израиля, и из Европы. При мне были двое французов, муж и жена. Имен не помню. Она — сотрудница бывшего издательства «Жизнь с Богом», трудами которого мы все получали посылки с духовной литературой еще в советские времена. В те времена здесь ничего нельзя было купить, и мы пользовались перепечатывающимися на пишущей машинке (какие там компьютеры!) в пяти экземплярах текстами владыки Антония, о. Всеволода Шпиллера, о. Александра Меня. Последние экземпляры были нечитабельными из-за полной их слепоты. Первые, правда, тоже, из-за огромного количества опечаток неопытных машинисток. Муж этой женщины — француз — ни слова не говорил по-русски. Во время литургии он принес мне просфору с извиняющейся улыбкой, прося прощение за невозможность общения. Желая выразить свою благодарность, я, абсолютно не говорившая по-французски, не менее двадцати минут «конструировала» из наличного запаса слов, почерпнутых из каких-то песенок, фразу на французском, каковой его и одарила. А после литургии была Агапа — трапеза, где молились все: мы по-русски, а они по-французски, и все друг друга понимали. А уж о. Виктор, как всегда, понимал и принимал всех.

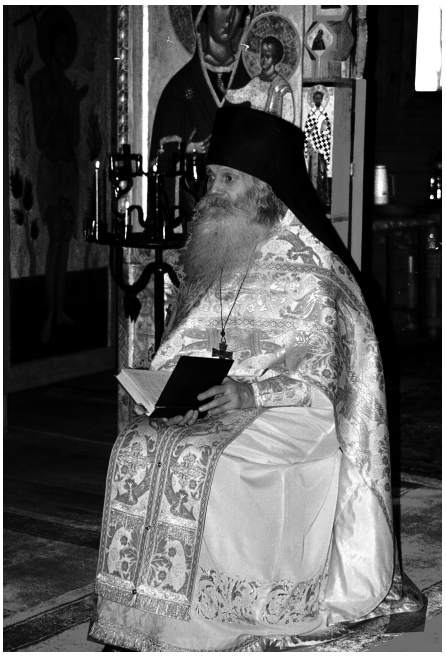
К сожалению, из храма Космы и Дамиана стали ездить в Карсава группами совсем недавно. Поскольку я, как уже говорила выше, несколько раз «примыкала» к лагерю воскресной школы общины о. Георгия Кочеткова, который ряд лет располагался вблизи храма в Карсаве, то и, естественно, принимала участие в его жизни. Вспоминаются несколько эпизодов.

В честь какого-то праздника готовился спектакль театра теней в клубе. Реквизит из подручных средств, актеры — ребята всех возрастов и отчасти взрослые, в качестве вспомогательного персонала. Я была рабочим сцены. Все приглашенные во главе с о. Виктором пришли во время, но репетиция немного задержалась. За дверями вместе со всеми кротко стоял батюшка, отказавшись от привилегии войти внутрь «досрочно». Пустяк, но очень характерная деталь для его облика.

Окончание на стр. 16

Архимандрит Виктор (МАМОНТОВ)

ТАИНСТВО МИРОТВОРЕНИЯ

У каждого человека, живущего в этом мире, есть определенный опыт зла, который человеком проживается как страдание.

Евангелист Иоанн Богослов говорит, что мир во зле лежит. Это христианское откровение отличается от восточного видения, суть которого в том, что материальный мир есть зло. Если восточный человек просто принимает как данность то, что этот мир есть зло и единственное, что человек может делать — это убегать от этого мира, т.е. идти в некую недосягаемую для понимания сферу бытия, где эти страдания и зло уже его не затрагивают, то христианин, наоборот, призван на определенное служение в этом мире.

Он понимает, что хотя мир и во зле лежит, но в своей основе он есть мир Божий. Христианин призван вырабатывать свое отношение к происходящему в мире, он не может не видеть зла. Зло есть в мире, и ему надо как-то противостоять.

Попытку противостоять злу для того, чтобы оно не становилось беспредельным, а имело какие-то свои границы, делает и государство. Оно старается эти границы положить. Но в государстве имеется изъян: принцип подавления и принцип репрессий, которые лежат в основе государства; принцип страха человека перед наказанием, перед смертью. Эти принципы не изменяют жизнь к лучшему. Эти принципы могут ограничивать зло, но не могут искоренить его. Мы знаем из истории, что государство с его механизмами борьбы со злом не раз само становилось воплощением зла.

Иисус Христос, когда приходит в этот мир, принимает его. Он берет на Себя давление всего зла этого мира. Он соприкасается со злом во всех проявлениях, какие только возможны: непонимание, ненависть, предательство учеников, несправедливый приговор, мучения перед смертью и, в конце концов, позорная и как бы уничтожающая личность смерть на кресте.

Нас удивляет отношение Иисуса ко злу: «Вы слышали, что сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:43–48).

Прозрение, которое дает Христос на природу зла, таково: за всеми человеческими проявлениями зла стоит некая духовная сила, которую в Библии называют сатаной и дьяволом, т.е. противником Бога, той силой, которая расчленяет, которая хочет разрушить, разделить, превратить в ничто дело Божие и сам Божий мир.

Действие этой силы проявляется так, что она старается ранить человека и спровоцировать его на то, чтобы энергия зла возросла в этом

Окончание. Начало на стр. 14

Вечер у костра. Каждая возрастная группа представляет что-нибудь на историческую тему. Средние — питомцы Веры Коринской — показали детство Моисея с корзинкой, в которой он был найден, и дочерью фараона. Получилось забавно и трогательно. Наша, старшая, группа Кати Яковлевой представляла два сюжета. Первый — казнь св. Жанны Д’Арк, заставил немного поволноваться Маргариту, когда она увидела собственную дочь Гутю, привязанной к дереву, и у ног её кучку хвороста. Второй эпизод представлял символическое противостояние Наполеона и Кутузова на Бородинском поле. Наполеоном была Полина Белотелова, а Кутузова выпало изображать мне, поскольку мои седые волосы были признаны подходящими к случаю. Тут вышла неожиданная заминка, т.к. никто не помнил, какой именно глаз должен быть завязан чёрным платком. Но так как именно никто, то опасности быть разоблаченными мы избежали. Роль подзорной трубы удачно сыграл большой электрический фонарь.

Глядя со стороны на детей воскресной школы, я была приятно удивлена тем удачным сочетанием живой веры, доброжелательности, отсутствием агрессивности, так, к сожалению, сейчас распространенной, и «нормальной» детскости. Например, в свой зимний приезд я обнаружила группу старших мальчиков, с упоением разгребающих снег вокруг храма и не очень спешивших присоединиться к богослужению. Но, будучи призваны, они присоединились безропотно и даже охотно. В вечерних и утренних молитвах участвовали все дети.

Про Карсаву можно рассказывать много. Но в настоящее время архимандрит Виктор тяжело болен. Братья и сестры, помолимся вместе о помощи Божией такому замечательному, нужному всем батюшке!

Марина КРАЕВСКАЯ

мире. Зло имеет волевое и энергетическое начала. Волевое начало состоит в том, что человек может выбрать зло, но может и покаяться, и тем самым отвергнуть зло. Однако совершенное им зло уже выпущено в мир, энергия этого зла продолжает действовать в нем, и вопрос всякий раз в том, кто и как сможет остановить это зло. Если человек следует принципу беспредельной мести, которую видим, например, в образе Ламеха в Ветхом Завете или если даже он дозирует мщение — «око за око, зуб за зуб», то все равно тяжесть этой духовной энергии, которая изливается в мир, умножается. Эта сила способна вдохновлять людей на новое зло, она стремится к воплощению, так что могут возникать целые институты, социальные движения и идеологические системы, которые будут являть собой зло.

И вот Христос показывает, что есть только один способ не умножать зло и противостоять разгулу зла в мире — человек должен принять удар на себя или как бы вобрать это зло в себя и совершить что-то внутри своего сердца. Это и есть тот престол, на котором совершается великое таинство — таинство миротворения.

Таинство миротворения не бывает без жертвы, без страдания, без крови — человек должен вольно принять страдания, боль, и пропустить их через себя, чтобы родился мир души. Но совершение всякого таинства невозможно чисто человеческими силами, потому что по-человечески на боль хочется ответить либо бегством, либо злом. И даже если во мне имеется добрая воля любить, то без Христа она может превратиться в ненависть. Таинство миротворения возможно совершить только вместе со Христом.

Мир, лежащий во зле, есть творение Божие. Это значит, что зло само по себе не имеет бытия. Все бытие, которое заражено злом, в духовном плане может быть исцелено и приведено обратно в добро, в состояние доброты.

Есть народная притча. Является перед подвижником бес, огромный, и говорит:

— Я тебя сейчас могу проглотить.

— Это не великое дело, — говорит ему подвижник.

Тщеславный бес спрашивает:

— А что великое дело?

— Можешь ты в скорлупу ореха залезть? — говорит подвижник.

— Конечно, могу!

Бес влезает в скорлупу ореха, и подвижник закрывает скорлупу. Через некоторое время бес говорит:

— Ну, теперь выпускай!

— Я тебя выпущу только тогда, — говорит подвижник, — когда ты вспомнишь ту песнь, которую у престола Божия пел.

Бес визжит, скрежещет зубами, но все же потом начинает петь ангельскую песнь. Когда подвижник открывает скорлупу, то уже ангел отправляется на небо.

Каков смысл принятия зла на себя? Зло нужно внутренне, духовно преобразить.

С другой стороны, Христос всегда зло обличал. Христиане должны принять на себя эту смелость обличать зло, обличать все яснее и яснее, глубже и глубже осознавать корни зла, а не просто клеймить и проклинать зло. Но и одного обличения недостаточно.

Надо трезво сознавать, *как* побеждали зло первые христиане: стойкостью, молитвой и словом, которое рождалось от Духа Святого. Таким же образом проходили свой подвиг противления злу многие мученики после революции в России.

Самое важное здесь то, что в молитве открывается любовь, плод любви — прощение, а плод прощения — мир. Этот духовный труд, который человек проделывает — молитвой и любовью, вне противления злу, — в христианской традиции и называется миротворчеством.

Христос о миротворчестве говорит глубокие слова — «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Христианство признает некое насилие над злом, но в плане внутреннем, в прогнании зла от своего сердца, чтобы самому не стать носителем зла. В этом христианство бескомпромиссно и жестко: со злом внутри не может быть никакого компромисса, оно должно быть вытравлено, выгнано из человека.

Псалом (136:9) говорит о младенцах Вавилона, которые должны быть разбиты о камень. Духовно это означает, что все злые помыслы, все страсти должны быть жесточайшим образом уничтожены в самом их начале. Без этого человек не сможет обрести мир в себе и принести его другим. Только в той мере, в какой ему удается стяжать благодать Святого Духа, Духа мирного, он становится способным *быть* и творить мир.

В православной аскетике есть изречение «Стяжи Духа Святого, и возле тебя спасутся тысячи». Это происходит не так, что человек должен что-то говорить или как-то убеждать, но самое присутствие Святого Духа действует на людей и зло удаляется от них. В присутствии святости и Духа Святого человек может покаяться и увидеть свою неправоту.

На святого Стефана Пермского, который научился местному наречию для того, чтобы веру Христову принести этому народу, восстали жрецы, хотели остановить его проповедь, и трое из них пришли, чтобы убить его. Но они вернулись, не тронув его. Когда их спросили, почему они не уничтожили этого человека, они сказали: «Мы не могли этого сделать. Он нас встретил с такой любовью, что мы пали на колени и попросили его благословения».

Мой знакомый рассказывал, как он поссорился со своим отцом, который был деспотичным человеком. Они долго спорили.

— Замолчи, — крикнул ему отец.

— Ты мне всю жизнь рот затыкал. Молчать не буду, — ответил сын.

Тогда отец взял пустую бутылку и ударил его по лицу так, что она вдребезги разбилась.

«В этот момент, — вспоминал мой собеседник, — со мной случилось что-то необъяснимое. Я схватил его, ударил, он упал на пол, а я его колотил. В один момент я взял его за плечи и сказал:

— Мне тебя убить?

Он ответил:

— А как хочешь, сынок.

И мои руки опустились. Если бы я не почувствовал то, что это действительно беспомощный человек и не услышал его голоса, я бы убил его. Потом никогда не простил бы себе, но в тот момент вспышки гнева я был как безрассудный, ярость поглотила все мое существо».

Что остановило руку сына? Вот это — «Как хочешь, сынок». Отец не сказал ему «сын», а ласковое «сынок», и это слово было услышано не только ухом, а сердцем. «Отец меня любит, несмотря на свою жестокость». В одно мгновение он освободился от ярости. Любовь победила зло.

Милосердие Божие, сначала втайне, а потом явно, приходит к

нам, чтобы сотворить с нами то, что мы сами желаем сотворить всем сердцем, всей душой, но не можем. Чтобы жить, нужно нравственно умиротвориться, ибо мы и в природе видим, что пышный расцвет является следствием тихой и ясной погоды, а не ветра и бури.

Нужно учиться твердо, спокойно и кротко принимать удары зла, не озлобляясь самому, но и не поступаясь ни йотой правды. Каждый, кто хочет идти к добру, не может миновать крестного пути. И мы должны идти по этому пути. Всегда бороться за человека и бороться против зла в нем и вокруг него. Иногда мы поступаем иначе — настроены против человека, играем со злом, оставляем ему место в себе. Но важно развить в себе способность обличать зло и грех по-христиански и никогда не утрачивать этой способности.

Ко Христу в Гефсиманском саду приближаются люди, которые были посланы, чтобы схватить Его. Когда Он говорит: «Аз есмь», они падают ниц. Если бы Христос им не позволил, не дал возможность приблизиться, зло не могло бы прикоснуться к Нему. Только когда Он Своей волей принял крест человечества и страдания, зло, казалось бы, получило власть. Христос это делает добровольно, чтобы победить зло и смерть не силою, а смирением и преданием всего Богу.

Вершина миротворчества совершается на кресте, когда Иисус прощает Своих мучителей и, умирая, говорит «свершилось». Тем самым Он показал крестный путь добра.

Чтобы победить большое зло, надо сначала победить малое. Христос говорит: тот, кто будет верен в малом, тот будет верен в большом.

Что есть малое и большое зло?

Многие христианские подвижники древности говорили: «Тебя гонят — ты не гони, тебя бьют — ты не бей». Зло, которое нападает на нас, — малое зло. Зло, которое исходит из нашего сердца, — большое зло.

Существует духовный закон: Господь никогда не дает человеку испытания больше той меры, какую он может понести. Раньше, чем человек не научится побеждать малое зло, он не может духовно противостоять большому. Если человек не будет бороться с малым злом в себе, то он окажется во власти большого зла. Не в том плане, что с ним что-то произойдет. Он сам, того не ведая, может стать творителем большего зла.

Когда мы малое зло с помощью Бога побеждаем, то обретаем бульшую свободу, и Господь вводит нас в уже бульшую меру служения.

Опыт церковной истории показывает: когда мы не соблюдаем Христову заповедь и начинаем со злом бороться при помощи зла, то это зло проникает в нас, и мы сами становимся его носителями.

Мы знаем о борьбе со старообрядцами. Те люди, которые благословляли пытать их, уничтожать, думали, что ревнуют по Богу.

Когда человек заражается злом, грехом, то разрушается не только его духовный строй, но нарушается и его душевное устроение, страдает и его плоть, т.е. он весь попадает под власть зла, испытывает какое-то непрестанное горение, но оно не радостное, а утомляющее и истощающее, оно как голод, как жажда, которые нельзя утолить. Зло само по себе таково, что его никогда нельзя насытить. Образы адского состояния, которые дает Христос, известны людям, которые попали под власть такого зла и стали его служителями.

Попадая во власть зла, человек проходит три ступени падения. Первая ступень. Человек творит зло и мучается, потом кается.

Вторая ступень. Человек начинает испытывать некую радость от зла, от того, что может доставлять страдания другому человеку. Он радуется как бы своей власти.

Третья ступень. Зло становится внутренней потребностью человека, он совершает зло уже чуть ли не в виде религиозного акта. Небытие, смерть, зло, страдание, абсурд — все это неудержимо влечет его к себе. В служении злу он может стать своего рода аскетом, аскетом тьмы.

Человек ни при каких обстоятельствах не имеет права пропускать зло через себя. На мне оно должно остановиться. Это и есть непримиримое отношение ко злу. Парадоксальная диалектика: непримиримость рождает мир. Мир состоит в том, что я не пустил зло дальше. Я сам не смогу справиться, но Христос, Который во мне, остановит и попалит это зло. Я не должен его пускать через себя дальше на ближних и дальних, на родных и чужих, на любимых и нелюбимых.

В этом принципиально отличается Ветхий Завет от Нового. Ветхий Завет знает об этой страшной силе зла, знает, что зло, грех заразны. Это знает и Новый Завет. Распространение зла подобно эпидемии, и самому человеку нет возможности остановить ее. Закон может только оградить зло, но не может уничтожить его. Ветхозаветный закон непримирим ко греху настолько, что в своей непримиримости нередко впадал в слепоту: он был готов уничтожить грех вместе с грешником. Христос же являет совсем иную парадигму — мирного и непримиримого отношения ко злу: грех ненавидь, а грешника люби.

С грехом нельзя примиряться, грех надо ненавидеть, грешника надо любить и стараться быть с ним

в мире, потому что все мы грешники и от них первый «есмь аз». Христос нас принимает, и потому нет оснований соседа не принимать, ближнего не принимать, он ничем не хуже меня. Христос тоже его любит.

Особое коварство зла в том, что оно часто приходит к нам через самых ближних. Вот один из ближайших учеников Иисуса — Иуда, и через него вошло зло. И к Моисею идет зло через самых ближних.

Удивительно поведение Моисея. Он падает на колени, молится за тех, которые говорили на Него «злые слова», потому что понимает, что это бунт не против него, а против Господа.

Зло должно быть введено в какие-то границы. Есть грехи, которые недопустимы, грехи против жизни. Им надо класть предел. Победить зло в этом мире, который лежит во грехе, пока нельзя, но пределы ставить надо.

В личном плане человек не только может, а обязан остановить зло на себе, не пропускать его, он-то и должен стать живой преградой, границей, через которую зло не пройдет. Тогда он действует по образу Иисуса Христа, Который остановил все мировое зло на Себе, принял его на Себя. Сын Божий стоял насмерть, но мирно, и нам тем самым заповедал идти путем миротворчества. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены Сынами Божиими» (Мф. 5:9). Достоинство и блаженство быть сыном Божиим дается тому, кто остановил на себе зло, — миротворцу. Сейчас, увы, слово «миротворец» политизировалось и потому выветрилось.

Если Сын Божий, Христос примирил Собой, кровью Своей и народы земли, и небо с землею, то и те, кто идет вслед Ему, — миротворцы — блаженны. Мир, данный Христом, связан с единством. Апостол призывает: старайтесь «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4:3). Вот сила Церкви, вот сила христианства. Настоящая сила. Не внешнее единение, которому Достоевский не верил и просил нас не верить, а единство духа в союзе мира, которое становится возможным лишь постольку, поскольку мы Дух Христов имеем в своем сердце.

Истинное служение истинному миру будет вызывать у людей непонимание, отталкивание и вражду. Так бывает и с любовью. По слову Сергея Аверинцева, для ада Христос сущий ад. Явление настоящей любви поляризует сердца людей, они или влекутся духом любви или, наоборот, ожесточаются и стремятся к разрушению Духа Божьего. Мы не должны бояться приступить к служению примирения, нести слово примирения, примирения с Богом, с людьми и с миром. Апостол назвал примирение одним из служений, к которому все мы призваны.

Главное орудие этого служения — молитва. Молитва помогает нам сохранять разум в чистоте, не поддаваться заблуждениям, преодолевать в себе мелочность и гнев, избегать иллюзий и не попадать во власть жажды мести. Мы просим Господа наделить нас благодатью молитвы не для того, чтобы мы смогли лучше молиться, но для того, чтобы мы научились больше любить.

Господи милосердный,
Тебя называют любовью,
Любовью Ты создал вселенную.
Любовь эту Ты подтвердил на кресте.
Благослови нас, чтобы мы смогли научиться Твоей любви
И принести ее туда, где она пока встречает отторжение.

Миротворец должен заботиться о своем противнике так же, как и о самом себе, должен помочь ему освободиться от того образа мыслей, вследствие которого притеснение и насилие стали для него привлекательны. Следование принципам ненасилия в его высшем проявлении принесет обеим сторонам победу.

Евангелие и вся ранняя христианская традиция требовали от своих последователей отказаться от насилия. По словам Климента Александрийского, последователь Христа — это воин мира, член той армии, которая не проливает крови. Иустин Мученик говорил, что христианин не отнимает жизнь у другого, но во имя Христа отдает свою собственную.

Самое действенное противостояние немирности — это то, что я храню мир в себе, моя семья хранит мир, община хранит мир и Церковь хранит мир. Противодействовать злу мы можем только храня мир, т.е. наша непримиримость ко злу — это и есть хранение мира, пребывание в мире с самим собой и с Богом. Это единственное, что может победить зло.

Зло пытается, прежде всего, лишить нас этого мира. Мы можем поддаться на искушение борьбы со злом и погубить в себе мирный дух. Когда кто-то ищет врагов как внутри церковной ограды, так и вне, это означает, что человек что-то не преодолел в себе. Все время мы находимся в этом искушении начать борьбу со злом его же средствами, средствами вражды. Но на всякое понижение нравственного, духовного уровня христианин отвечает только его повышением.

Надо являть другую жизнь, она состоит именно в том, что я мирен. Я начинаю с себя. По словам Семена Франка «В ужасающей бойне, хаосе

и бесчеловечности, царящих ныне в мире, победит, в конечном счете, тот, кто первым начнет прощать». Я должен примириться с Богом, с собой, с ближним.

С этого начинается все. Надо открыть важную для нас вещь — миротворчество это не состояние, а действие, т.е. человек не просто ожидает какого-то мира для себя, а он трудится. Но чтобы это действие стало возможным, человек должен стяжать внутренний мир. Церковь — это община миротворцев. Господь заповедал нам как ученикам Его быть миротворцами. Если в общине мир творится, значит, там есть Церковь, там есть Господь, там Царство.

Любовь к врагам является частью миротворчества. За врагов надо молиться, потому что об этом просит Сам любвеобильный Господь, Которому их очень жалко. И нам как их не жалеть, если они из-за нашей худости и скверности соблазнились и допустили злобу в свою нежную, богоподобную душу. Если разобраться, то они не нам враги, а себе.

Заповедь Иисуса Христа о любви к врагам и благословение проклинающих, благотворение ненавидящим, молитва за обижающих и гонящих нас является высшей точкой миротворчества. Эта заповедь служит для примирения с Богом как добрых, так и злых.

Миротворчество в библейском понимании не заканчивается примирением Бога с творением, но продолжается как некая реальность нового творения. Думается, что миротворчество не прекратится и после второго пришествия как некий образ сотворчества Бога и человека и дальше в новом творении. Миротворчество можно назвать способом жизни и в Царстве Небесном.

В Церкви и обществе мы сталкиваемся с двумя разными способами жизни. В обществе мы можем жить как в Церкви, но в Церкви мы не должны жить как в обществе, в социуме, как некоей проявленности этого падшего мира.

Если в Церкви жить и бороться со злом по законам этого мира, то происходит ее обмирщение как потеря измерения мистического, измерения Царства Небесного. Бороться со злом, быть непримиримым ко злу в Церкви можно только одним способом — жить в Боге, т.е. жить по законам Царства Небесного.

Мы знаем, что закон Царства Небесного есть закон жертвы, отдачи себя. Это не установление границ, не установление неких рубежей, за которые злу нельзя двигаться, а именно способ жизни в Боге. Перед человеком, живущим в Боге, зло останавливается само, как перед Ааароном. Или же, если зло чрезвычайно агрессивно, оно убивает этого человека, как оно убило Иисуса и многих его учеников, например, апостола Иакова, а недавно брата Роже из Тезэ.

Но оно проигрывает, даже когда убивает. Зло, смерть только внешним образом добиваются своего. Нет ничего общего у Христа со Велиаром, нет ничего общего у Бога и у смерти. Истинная победа над злом достигается через то, что человек начинает жить, а не бороться, начинает жить с Богом, заключая завет с Ним, входя в общение. Жизнь в миротворчестве, с Богом — это способность общения с Богом, потому что общение и есть плод мира, благоденствия.

Способность и возможность общения и есть плод примиренности, плод мира и мирного противостояния злу, плод жизни в мире, и как следствие этого общение является признаком Царства Небесного. Мы участие в Евхаристии называем *приобщением*. Говорим: приобщились, т.е. мы соединились через причастие со Христом и друг с другом. Так через способность сохранять общение с каждым в этом мире, с каждым из этого общества, мы преодолеваем зло, потому что зло, и как конечное проявление зла — смерть, есть разрушение общения, разрушение отношений или их прекращение. Уходя от общения, от диалога, мы уступаем силе зла. Только через общение Церкви с обществом, если Церковь живет по законам Церкви, мы можем противостоять злу этого мира.

Миротворение — это всегда жертва. Мир приобретен жертвой Христа. Часто у миротворца возникает мысль о том, что все его усилия бесполезны, не помогают, мир не становится лучше. Но, как ни странно, именно этим погружением в кажущуюся тщетность, умалением достигается мир. Если для человека что-то становится невозможным, значит, время действовать Господу, время творить мир.

Об этом мире всего мира молился Шарль Фуко: «Отче, Ты хочешь, чтобы между Твоими детьми царила неистребимая любовь, чтобы они терпели друг друга с нежностью и упорством, дабы сохранить мир, чтобы они без сопротивления принимали насилие, оскорбления, даже самую смерть, чтобы они предпочитали умереть, лишь бы не нанести брату раны, не бороться против него.

Отче, в какой же любви, в каком мире, в каком нежном единении Ты хотел бы видеть Своих детей.

В Твоем свете ясно как день, что малейшее умножение любви среди детей Божиих в тысячу раз ценнее, чем все материальные блага мира.

Не будем защищаться, когда нас обижают, подставим горло как агнцы, чтобы нам не вступать в спор с братьями, но побеждать их добротой, чтобы мы подражали божественному Агнцу, Который позволял бить Себя, оплевывать, ругать, завязывать Себе глаза и бичевать Себя, надеть на Себя терновый венец и возложить на себя Крест.

Будем же переносить все оскорбления, все несправедливости, издевательства, насилия, пощечины, удары, раны, оковы и смерть. И будем молиться за тех, кто ненавидит нас: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». И возблагодарим Бога за то, что Он удостаивает нас, столь недостойных, такого сходства с Собой. Аминь».

ТИХИЕ ПОХОРОНЫ ШАЛАМОВА

Его отпевали у Николы в Кузнецах — в Никольской церкви на Новокузнецкой. Давно закончилась литургия, и разошлись священники, а гроба все еще не было. Мало ли с чем связана задержка… Шаламов опасный покойник. Могут быть антисоветские выпады, стихийное выражение чувств. Российская власть всегда внедряла свое свинцовое око в погребальный обряд писателей, которых опасалась — от Пушкина до Высоцкого.

Но сегодня манифестаций быть не могло: провожающих Варлама Тихоновича в последний путь собралось не много. Горстка почитателей жалась у ворот. Среди них Евгения Самойловна Ласкина, редактор отдела поэзии столичного журнала, «пробивавшая» его подборки; поэты Владимир Леонович, Вадим Рабинович, Анатолий Сенин…

Наконец, подкатил катафалк и оттуда выпрыгнул на хрустящий февральский снежок архангелоподобный Андрюша Бессмертный. Гроб поставили на середину храма, и народ сомкнулся вокруг, как смыкается вода в колодце над опущенным ведром. В безмолвном оцепенении прошло еще минут тридцать.

«Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков…» — начал заупокойную литию отец Александр Мень. Ему прислуживал незнакомый дьякон, обладавший роскошным баритоном. Хора не было.

Большинство из пришедших на похороны — народ явно не церковный. Стоявшие спиной к алтарю не расступились, да и не заметили, когда открылись Царские врата. Запрестольный образ «Спасителя, грядущего в славе» так и остался для усопшего закрытым, что противоречит обряду: новопреставленный готовится к встрече с Господом и должен как бы «видеть» Его. «Видеть» мешала массивная приземистая фигура литератора, с которым я когда-то дружил и хорошо знал его беспросветную жизнь. Ассиметричное лицо серо-землистого цвета, растерянный взгляд. Кое-кто осенял себя крестным знамением, теплились в кулаках редкие свечечки.

Заколачивать гроб решили на кладбище — кто-нибудь, возможно, поедет проститься туда. Я не уверен, находились ли в храме его родственники. И вообще, есть ли они у него?..

Стихов Шаламова я не помнил наизусть, и спросил знакомого литератора, не захватил ли он книжку его стихотворений. Голос из-за плеча мгновенно предупредил: «покойный не хотел шума на похоронах, чтения стихов». Голос принадлежал вездесущему «доброжелателю», наверняка, из числа тех, кто то же самое говорил на похоронах Пастернака. Но на тех похоронах народу было несравнимо больше и предупредительных советов не слушались.

В автобусе, по дороге на кладбище, пустили по рукам внутреннюю рецензию издательства «Московский рабочий» на последний сборник его стихотворений. Рецензия положительная, но сборник так и не вышел. И листочек — гневный, обжигающий руки обидой и жалостью. В нем **крупно** несколько строк о том, что предсмертные дни Шаламов отбывал в психушке, куда его, отрубив от участия близких, засунул Литфонд. Потерявший ум, в параличе, грязный, одинокий, он умер на семьдесят пятом году жизни.

Несколько лет он жил в Доме престарелых. Там его все-таки опекали верные помощники. Удалось установить дежурство — по средам и пятницам. Больничную пищу он есть отказывался. Боялся, что отравят. Когда друзья принесли ему «Колымские рассказы», его книгу, изданную за границей, он ее уже видеть не мог и долго-долго ощупывал руками.

Однажды я заметил человека, переходящего Садовое кольцо на площади Восстания. Человек конвульсивно размахивал руками, ноги его заплетались, голова дергалась, скособоченная к левому плечу. Казалось, он вот-вот упадет, и я держался поближе, чтобы успеть его подхватить. Оказалось, что человек идет туда же, куда и я, в ЦДЛ. В вестибюле надо подняться по ступенькам, я хотел помочь, он гневно обернулся, едва не оттолкнув меня. Тут я узнал его. В этот день он принес свои стихи в «День поэзии».

Гроб поставили на краю могилы, и после короткой последней молитвы вышла пауза. Наверное, она возникла для того, чтобы мы обратили глаза к небу. Там, в беззвучной бездне медленный самолет вычерчивал широкий серебряный крест.

К могиле приблизился старичок, скульптор Борис Сучков, и, запинаясь, прочитал одно стихотворение Шаламова. «Извините,— сказал он почему-то те же слова, что я слышал в храме, — покойный не хотел шума на похоронах и чтения стихов… Но я выбрал одно…»

Еще два человека осмелились прочитать по стишку. Гражданин, мрачный, как Харон, спокойно и по-деловому подносил микрофон к каждому читающему. Судя по аппаратуре и поведению, явно западный репортер**.** ***Те,*** вездесущие, тоже, наверное, записывали, но тайно.

Могильщики быстро сделали свое дело, и мы помогли им — по горсточке, по комочку…

Редкая цепочка провожавших потянулась на дорожку. И вдруг, навстречу колонна военных. Над колонной кумачовый гроб. Мы, ступая по глубокому снегу, прижались к оградам могил. За барашковыми папахами и серыми шинелями шли родственники, потом рота солдат с винтовками, потом духовой оркестр, трудно дышащий, ухающий траурной колотушкой. Мне показалось, что мы стояли вечность, вдавленные в железные прутья.

Я поднял голову. Крестообразный след от самолета уже развеялся.

Александр ЗОРИН

18 июня исполнилось 100 лет со дня рождения Варлама Тихоновича Шаламова (1907–1982), автора «Колымских рассказов», романа «Вишера», повести «Четвертая Вологда», сборника «Очерки преступного мира», книг стихов «Колымские тетради».

В.Т. Шаламов родился в Вологде, городе церковной старины, глубоко связанном с традициями патриархального русского Севера. Кроме того, по словам самого Шаламова, «много столетий этот город — место ссылки или кандальный транзит для многих деятелей Сопротивления — от Аввакума до Савинкова, от Сильвестра до Бердяева, от дочери фельдмаршала Шереметева до Марии Ульяновой, от Надеждина до Лаврова, от Луначарского до Германа Лопатина. Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который не побывал бы в Вологде хотя бы на три месяца, не регистрировался бы в полицейском участке» («Четвертая Вологда»). Семья Шаламовых находилась в самом центре духовной жизни Вологды, что сыграло важную роль в формировании взглядов писателя.

Отец Шаламова, Тихон Николаевич, потомственный священник, был в городе видным человеком, поскольку не только служил в церкви, но и занимался активной общественной деятельностью, поддерживал связи с ссыльными революционерами, резко выступал против черносотенцев, боролся за приобщение народа к знаниям и культуре. Будучи европейски образованным человеком, он придерживался свободных и независимых взглядов, что вызывало к нему в городе отнюдь не только симпатию. В «Четвертой Вологде» В. Шаламов пишет о своем отце: «На себя он смотрел, как на человека, который пришел не только служить Богу, сколько вести сражение за лучшее будущее России… Отцу мстили все — и за все. За грамотность, за интеллигентность. Все исторические страсти русского народа хлестали через порог нашего дома».

Почти 11 лет о. Тихон прослужил на Алеутских островах в качестве православного миссионера. Воспитанник Вологодской духовной семинарии, он приехал на Аляску в 1893 г. по направлению Святейшего Синода. В 1904 г. он вернулся с семьей в Россию по собственной просьбе, видимо, из–за тоски по родине и желания воспитывать своих четырех детей в России. О. Тихон был представлен к ряду церковных наград, ему был вручен золотой крест (ставший символом в рассказе «Крест», который В. Шаламов посвятил своему отцу). Благодарили о. Тихона и его прихожане. В их открытом письме в «Американский православный вестник» говорилось: «…Надеемся, что родная Русь не откажет своему сыну в любви, привете и ласке, которые он заслужил своей ревностью о духовном благе наших собратьев по вере, коим он посвятил первые лучшие годы своей жизни!» К сожалению, жизнь Т.Н. Шаламова была трудной и закончилась трагически, в слепоте и бедности. В связи с этим по-особому звучат слова его сына: «У отца я учился крепости душевной».

Мать Варлама Тихоновича, Надежда Александровна (урожд. Воробьева), была эмоциональным, очень впечатлительным человеком, любила слушать музыку, которая доводила ее порой до слез. Она «знала бесконечное количество стихов — главным образом классиков. Всевозможные стихотворные цитаты хранились в маминой памяти на все случаи жизни, — я думаю, что стихи играли в ее жизни роль очень большую и вполне реальную» («Несколько дней моей жизни»).

С 1914 по 1918 годы будущий писатель учился в мужской гимназии им. Александра Благословенного. «1918 год был крахом для всей нашей семьи… Семья осталась нищей внезапно… Самый обыкновенный голод — восьмушка хлеба, жмых, колоб стали едой нашей семьи». На всю оставшуюся жизнь в памяти Шаламова сохранились тягостные воспоминания о событиях первых послереволюционных лет в Вологде: разграблении семейного имущества, постоянных обысках и других унижениях.

Навсегда покинув родной город в 1924 г (лишь дважды, в середине 30-х гг., он вернется сюда — на похороны отца и матери), в 1926 г. В. Шаламов поступает в Московский университет на факультет советского права. В это время он «активно участвовал в событиях 1927, 1928 и 1929 гг. на стороне оппозиции…, тех, кто пытался самыми первыми, самоотверженно отдав жизнь, сдержать тот кровавый потоп, который вошел в историю под названием культа Сталина».

19 февраля 1929 г. Шаламов был арестован за распространение «завещания Ленина». «…Этот день и час я считаю началом своей общественной жизни… После увлечения историей русского освободительного движения, после кипящего Московского университета 1926 г., кипящей Москвы — мне надлежало испытать свои истинные душевные качества» («Вишера»). Шаламов был осужден на три года заключения в лагерях и отправлен этапом в Вишерский лагерь (Северный Урал). Генеральная прокуратура РФ реабилитировала писателя по делу 1929 г. — но только 12 апреля 2002 г.

12 января 1937 г. В. Шаламов

«как бывший «оппозиционер» был вновь арестован и осужден за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» на пять лет заключения в лагерях с использованием на тяжелых физических работах. В 1943 г. последовал новый срок — 10 лет за «антисоветскую агитацию» (Шаламов назвал И. Бунина, находившегося в эмиграции, «великим русским классиком»). От гибели писателя спасло знакомство с лагерными врачами. Благодаря их помощи он закончил фельдшерские курсы и работал в центральной больнице для заключенных до самого освобождения.

Относительно произошедшего с ним Шаламов с самого начала не питал никаких иллюзий: «С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идет планомерное истребление целой социальной группы — всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить».

Сразу после смерти Сталина в 1953 году Шаламов был выпущен на свободу. Вернувшись в Москву, но не получив прописки, он некоторое время вынужден был работать на одном из торфопредприятий в Калининской области. В этот период он создает самое известное из своих литературных произведений — «Колымские рассказы», завершает работу над «Колымскими тетрадями». Позже Шаламов напишет: «Мне было свыше 45 лет, я старался обогнать время и писал день и ночь стихи и рассказы. Каждый мой рассказ— пощечина сталинизму… Каждый мой рассказ — абсолютная достоверность документа… Лагерь — отрицательная школа с первого до последнего дня для кого угодно. Но уж если ты видел, надо сказать правду, как бы она ни была страшна. Потребность в такого рода документах чрезвычайно велика. Ведь в каждой семье, и в деревне, и в городе, среди интеллигенции, рабочих и крестьян были люди, или родственники, или знакомые, которые погибли в заключении. Это и есть тот русский читатель, да и не только русский, — который ждет от нас ответа».

Дальнейшая жизнь писателя протекала в одиноком и упорном литературном труде. «Колымские рассказы» долгое время распространялись в самиздате. В 1978 г. они были опубликованы в Лондоне (на русском языке), затем в Париже (1980-1982, на французском языке), в Нью-Йорке (1981-1982, на английском языке). После этих публикации к Шаламову пришла мировая известность. В 1980 году французское отделение Пен-клуба наградило его Премией свободы. В СССР «Колымские рассказы» были изданы в 1988-1990 годах, уже после смерти писателя. Из стихов при жизни к публикации была допущена лишь малая часть, да и то нередко в исковерканном виде…

Умер Варлам Тихонович Шаламов 17 января 1982 г., потерявший слух и зрение, совершенно беззащитный в Доме инвалидов Литфонда.

Ирина ЯЗЫКОВА

Из поэзии Варлаама Шаламова

***

Я жив не единым хлебом,
А утром, на холодке,
Кусочек сухого неба
Размачиваю в реке...

***

Я здесь живу, как муха, мучась,
Но кто бы мог разъединить
Вот эту тонкую, паучью,
Неразрываемую нить?

Я не вступаю в поединок
С тысячеруким пауком,
Я рву зубами паутину,
Стараясь вырваться тайком.

И, вполовину омертвелый,
Я вполовину трепещу,
Еще ищу живого дела,
Еще спасения ищу.

Быть может, палец человечий
Ту паутину разорвет,
Меня сомнет и искалечит –
И все же на небо возьмет.

***

Я в воде не тону
И в огне не сгораю.
Три аршина в длину
И аршин в ширину –
Мера площади рая.

Но не всем суждена
Столь просторная площадь:
Для последнего сна
Нам могил глубина
Замерялась на ощупь.

И, теснясь в темноте,
Как теснились живыми,
Здесь легли в наготе
Те, кто жил в нищете,
Потеряв даже имя.

Улеглись мертвецы,
Не рыдая, не ссорясь.
Дураки, мудрецы,
Сыновья и отцы,
Позабыв свою горесть.

Их дворец был тесней
Этой братской могилы,
Холодней и темней.
Только даже и в ней
Разогнуться нет силы.

***

В часы ночные, ледяные,
Осатанев от маеты,
Я брошу в небо позывные
Семидесятой широты.

Пускай геолог бородатый,
Оттаяв циркуль на костре,
Скрестит мои координаты
На заколдованной горе.

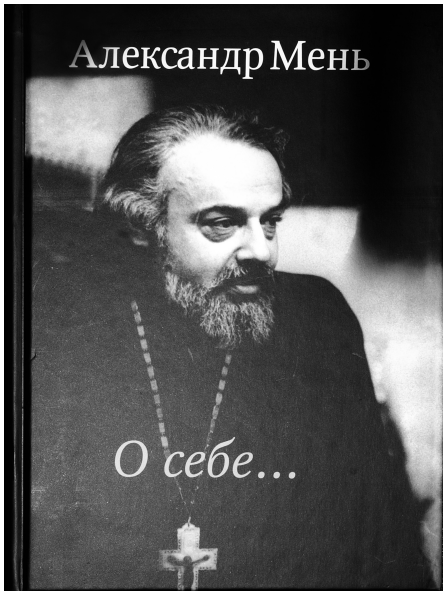
Где, как Тангейзер у Венеры,
Плененный снежной наготой,
Я двадцать лет живу в пещере,
Горя единственной мечтой,

Что, вырываясь на свободу
И сдвинув плечи, как Самсон,
Обрушу каменные своды
На многолетний этот сон.

***

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

Александр Мень
О себе...
Воспоминания, интервью, беседы, письма

Со дня гибели о. Александра прошло немало лет. За это время интерес к его творчеству и личности все возрастает. Об этом говорят многоты-сячные тиражи его трудов и полные залы людей на вечерах его памяти Духовные дети, друзья и близкие о. Александра не перестают обмени-ваться своими воспоминаниями и делиться ими с людьми, не знавшими его при жизни. За прошедшее время вышло в свет немало книг и статей с воспоминаниями об о. Александре, авторы которых пытались воссоздать образ дорогого друга, интересного собеседника, необыкновенного пастыря, ненавязчиво, но твердо и вдохновенно открывавшего людям образ Христа, Которого он любил больше всего на свете.

Однако наряду с удачными и точными характеристиками о. Александра в этих воспоминаниях встречаются иногда и вольные трактовки его личности. Соединяясь с распространяющимися среди его почитателей устными фантазиями и домыслами, они становятся источником легенд и мифов. Часто люди искренне и бессознательно приписывают великому человеку то, что на их взгляд еще более возвеличивает его, хотя на самом деле именно отсутствие этого качества делает его по-настоящему великим. Это достаточно распространенное явление, возникающее при почитании выдающихся личностей, и подвигло нас на составление данной книги, куда включены только цитаты самого о. Александра, рассказывающего о себе.

О. Александр всегда был окружен своими прихожанами, сопровождавшими его повсюду, а он дарил им себя. Его воспринимали как нечто, что будет всегда, как солнце, которое светит не переставая. К счастью, нашлись люди, которые, слушая его лекции, беседы или просто прислушиваясь к высказываниям, речам, советам, записывали многое по памяти или же непосредственно на магнитофон, стараясь сохранить для себя и для других голос любимого пастыря, его слова и мысли.

Благодаря этим прихожанам мы сегодня имеем многочисленные записи проповедей, бесед, устных комментариев к библейским текстам, лекций, заканчивающихся, как правило, ответами на многочисленные вопросы слушателей, и просто воспоминаний о. Александра о себе.

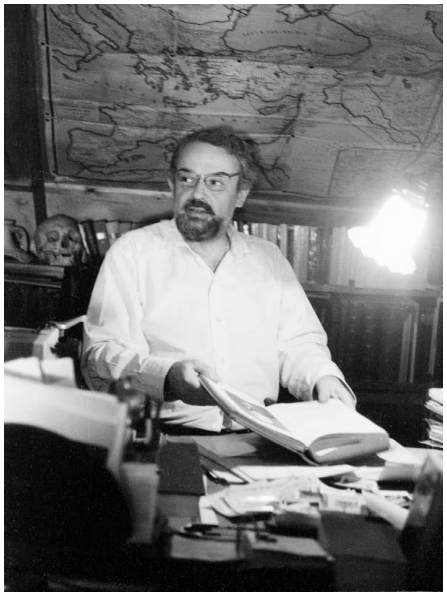
(Из предисловия к книге)

Редакция: Прот. Александр Борисов, Марина Насонова, Ирина Языкова, Роман Насонов, Вета Рыскина, Александр Кремлев, Константин Семенов;
Компьютерная верстка: Лизавета Астрецова
Адрес редакции: Столешников пер., 2, комн. 12, тел. 629 10 11; **e-mail:** *info@deti.msk.ru* с указанием темы письма: «Для Приходской газеты»